

Н. В. ГОГОЛЬ

Публикация И. Я. Айзенштока и П. Д. Ухова

Вступительная статья И. Я. Айзенштока

Комментарии И. Я. Айзенштока и В. В. Митрофановой

Интерес Гоголя к народному творчеству, связь его произведений с фольклором общезвестны и не раз были предметом внимания исследователей¹. Сказки, предания, легенды, народные рассказы и анекдоты используются в ряде произведений писателя. Песни и думы во многом формировали стиль не только его наиболее «песенной» повести «Тарас Бульба», но также повестей, входящих в состав «Вечеров на хуторе близ Диканьки», и «Мертвых душ». Интерес писателя к фольклору, ярко проявившийся в первые годы литературной деятельности Гоголя, не ослабевал до конца его дней.

Зарождение интереса Гоголя к народной жизни — быту, фольклору — справедливо относится исследователями к годам его детства и юности, в доме родителей и в Нежинском лицее. В доме Гоголей часто звучали народные песни. Сестра матери писателя, Екатерина Ивановна Ходаревская, знала их великое множество; об этом Гоголь не раз вспоминал впоследствии в письмах к матери и к А. С. Данилевскому. Приходилось ему наблюдать и народную жизнь, обычаи, обряды, хотя конечно, так сказать, с «панского» крыльца, без достаточно пристального внимания, без каких бы то ни было попыток осмыслить увиденное и услышанное.

Следует полагать, что Гоголь был знаком и со скудной литературой того времени об украинском народе и фольклоре, с немногими произведениями молодой украинской литературы; с соответствующими изданиями он мог познакомиться в библиотеке родственника и «покровителя» семейства Гоголя Д. П. Трошинского, которому посвятил свой сборник украинских исторических песен и дум, — первый печатный сборник этого жанра, — его составитель Н. А. Цертелев. Не малое значение в пробуждении и формировании интереса Гоголя к народу и к его творчеству имел, видимо, отец писателя Василий Афанасьевич, автор нескольких комедий на украинском языке, основанных на фольклорном материале, с довольно широким показом народного быта.

Интерес будущего писателя к жизни и творчеству украинского народа усилился и углубился в годы его пребывания в Нежинском лицее: по свидетельству ряда школьных товарищей Гоголя, он часто бывал в нежинском предместье Магерки, «имел там много знакомых между крестьянами. Когда у кого из них бывали свадьбы или другое что или когда просто выгадывался pogodливый праздничный день, то Гоголь уж непременно был там»². Он хорошо владел народной речью, удачно схватывал характерные черты народных типов.

В 1826 г. в Нежине Гоголь заводит рукописную «Книгу всякой всячины», куда, наряду со сведениями о мерах весов, музыкальных инструментах древних греков и прочим, вносит также выписки и заметки исторического и этнографического характера. Как ни затруднительна и приблизительна во многих случаях датировка отдельных записей «Книги», несомненно, что значительная их часть сделана Гоголем еще на школьной скамье, — в том числе некоторые записи украинских пословиц, народных песен, выписки из «Энеиды» Котляревского и т. д. По-видимому, еще в Нежине начал Гоголь записывать и украинские слова с русским переводом, заведя для них в «Книге» раздел «Лексикон малороссийский»; для последнего одним из основных источников, а возможно, и образцом послужили словарные материалы В. А. Гоголя³.

Попав в Петербург двадцатилетним юношей, Гоголь увидел, что «здесь <...> занимает всех все малороссийское»⁴; это, а также возникшие и большею частью осуществленные творческие замыслы («Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь», может быть, «Ночь перед Рождеством») побудили его приняться за дальнейшее расширение и упорядочение собственных фольклорно-этнографических познаний. В письмах к матери он просит сообщить ему то «описание полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов, с поименованием, как все это называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее перебивавшихся малороссиян», то «названия платья, носимого нашими крестьянскими девками, до последней ленты», то «описание свадьбы, не упуская ни малейших подробностей»; «Еще несколько слов о колядках, об Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее, с их названиями и делами» и т. д.⁵

Из писем Гоголя, из отдельных записей «Книги всякой всячины» известно, что просьбы его не оставались без ответа; то и дело он приносит матери «чувствительнейшую и невыразимую благодарность за <...> драгоценные известия о малороссиянах», просит «убедительно не оставлять и впредь таковыми письмами»⁶. Кроме самой М. И. Гоголь, к собиранию материалов были привлечены всевозможные родственники (тетки, сестры писателя), приживалки, знакомые, даже священник ближней церкви, сообщивший Гоголю просимое описание одежды дьячка; посылались ему и записи народных песен, и описания игр, и сведения об одеждах, о некоторых народных обычаях и обрядах и т. д.

Вскоре Гоголь был оценен новыми петербургскими знакомыми как отличный знаток Украины и ее фольклора. Один из этих новых знакомых, О. М. Сомов, в 1830 г. писал М. А. Максимовичу о Гоголе: «Он человек с отличными дарованиями и знает Малороссию как пять пальцев». Или в другом письме, 1831 г.: «У Гоголя есть много малороссийских песен, побасенок, сказок и пр., коих я еще ни от кого не слыхивал»⁷. То обстоятельство, что это писал Сомов, сам автор повестей с украинской тематикой, не порывавший связи с Украиной и являвшийся в эти годы своего рода центром притяжения украинской колонии в Петербурге, придает особую цену подобной рекомендации.

Интересны письма Сомова и еще в одном отношении: они свидетельствуют, что ко времени выхода первой части «Вечеров» Гоголь был обладателем целого собрания фольклорных материалов, в значительной мере новых для лиц, общавшихся с молодым писателем. Это собрание и тот интерес, какой они вызывали у окружающих, еще усилил в писателе жажду собирательства. Первый биограф Гоголя, имевший возможность опираться на живые свидетельства современников, отмечал, что «главным делом Гоголя в эту пору <начало 1830-х годов. — И. А.> было собирание украинских народных песен, в которое он одно время вдавался было усиленно, относясь к этому занятию с горячим увлечением внезапно возгоревшейся страсти»⁸.

Это увлечение Гоголя песенным фольклором достигло своего апогея после поездки летом 1832 г. на родину. Во время поездки Гоголь значительно увеличил количество записей песен; затем он привлек себе в помощь ряд лиц, завязал личные знакомства с М. П. Погодиным, Максимовичем, не только побуждавшими его к дальнейшему собирательству, но также подсказавшими ему возможные пути использования собранного, помимо художественно-литературной его интерпретации.

Не без влияния новых знакомых у Гоголя возникают планы широкой научной деятельности в основывавшемся Киевском университете. «Я восхищаюсь заранее, — писал он Пушкину, — когда воображу как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из-под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я историю Украины и юга России и напишу всеобщую историю, которой в настоящем виде ее до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже и в Европе, нет. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.»⁹

Такое соединение фольклорных увлечений с историческими занятиями было для Гоголя совершенно органичным. Публикуя в «Северной пчеле» обращение «к просвещенным соотечественникам» «Об издании истории малороссийских казаков», Гоголь просит присылать ему летописи, записки, деловые бумаги, записи песен и повестей бандуристов¹⁰. А в одновременно написанной статье «О мало-

Н. В. ГОГОЛЬ

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1839

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

российских песнях» он излагает целую программу исторического изучения украинского фольклора. «Это народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа», — пишет он и несколько дальше продолжает: «... песни для Малороссии — всё: и поэзия, и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о протекшем быте этой цветущей части России. Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии»¹¹ (ср. в письме к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.: «Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать». Зато «каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи». И дальше: «Если бы наш край не имел такого богатства

песен — я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь»¹²).

В 1833 г., возможно не без воздействия Максимовича и под живым впечатлением от знакомства с его песенным собранием, Гоголь принимается за упорядочение и систематическое расширение своей коллекции. Следуя примеру Максимовича, Гоголь наряду с новыми записями украинских песен, собственными или сделанными другими лицами по его поручению, широко использует печатные материалы: сборники самого Максимовича («Малороссийские песни», 1827; «Украинские народные песни», 1834), П. А. Лукашевича («Малороссийские и червопорусские народные думы и песни», 1836), Вацлава Залеского («Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego», 1833), делает много выписок из присланного ему Максимовичем рукописного сборника Зориана Доленги-Ходаковского, куда в свою очередь вписывает несколько песен.

Таким образом составилось у Гоголя громадное собрание украинских народных песен. 12 февраля 1834 г. Гоголь писал о нем Максимовичу: «Песен я тебе с большою охотою прислал <бы>, но у меня их ужасная путаница. Незнакомых тебе, может быть, будет не более ста <черновой вариант: будет более ста. — И. А.>, зато известных, верно, около тысячи, из которых большую часть мне теперь нельзя посылать. Если бы ты прислал свой список с находящихся у тебя, тогда бы я знал, какие тебе нужны, и прочие бы выправил с моими списками и послал бы тебе»¹³.

Данное письмо убедительно свидетельствует как о весьма значительных размерах собрания, так и об его далеко не систематизированном, возможно, хаотическом состоянии. Упоминание же об «известных» и «неизвестных» Максимовичу песнях, по-видимому, объясняется желанием Гоголя с помощью приятеля установить размеры собственного вклада в собрание украинского песенного фольклора.

Материалами своего собрания Гоголь охотно делился с другими собирателями и издателями фольклорных текстов. Так, в 1833 г. он «отдал» Максимовичу около ста пятидесяти песен, «совершенно ему неизвестных» (письмо к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.¹⁴); в первой половине 1830-х годов он сообщил ряд песен помещику-фольклористу Н. Д. Белозерскому, от которого позднее тексты песен попали к А. Л. Метлинскому и были им опубликованы в сборнике «Народные южнорусские песни» (Киев, 1854). Несколько десятков украинских песен были переданы Гоголем Киреевскому, в свод русских народных песен которого предположительно должны были войти украинские и белорусские песни.

К предпринятию Киреевского Гоголь проявлял особенный интерес. Он записал для Киреевского по памяти рождественскую песню, которую сам пел в детстве. Как сообщал Киреевский, Гоголь передал ему тетрадь песен, «собранных в различных местах России»: по-видимому, речь шла о сорока шести украинских песнях, опубликованных впоследствии М. Н. Сперанским, однако не исключено, что Гоголем была передана еще одна тетрадь, до сих пор остающаяся неразысканной.

В середине 1830-х годов, как сказано, Гоголь принимается за упорядочение собранных песен — украинских и русских; работу эту он продолжает в 1839—1840 гг. в Вене. Все песни переписываются в нескольких самодельных тетрадях, частью лично писателем, частью переписчиком. До недавнего времени были известны три таких тетради (две посвященные украинским песням, одна — русским); недавно к ним прибавилась еще одна тетрадь с записями украинских исторических песен и дум, обнаруженная среди бумаг художника А. А. Иванова. Тексты этой последней тетради публикуются ниже.

Причины, побудившие Гоголя переписать свое собрание песен, могут быть установлены лишь предположительно, хотя, кажется, с большой долей вероятности. Очевидно, первоначальный вид гоголевского собрания был весьма хаотичен: письма родных и знакомых с записями песен перемежались выписками самого Гоголя из печатных и рукописных источников, собственными его записями и т. д. При известной неупорядоченности быта писателя, при его привычке вести свое «письмовое хозяйство» в тетрадях, переписка песенного собрания, можно сказать, подсаживалась самую жизнь.

«ГОЛОСА УКРАИНСКИХ ПЕСЕН».

СБОРНИК, ИЗДАННЫЙ

М. А. МАКСИМОВИЧЕМ (М., 1834)

Титульный лист с эпиграфом из статьи

Н. В. Гоголя «О малороссийских
песнях»

Г О Л О С А

УКРАИНСКИХ ПЕСЕНЪ,

ИЗДАНИЕ

Михаиломъ Максимовичемъ.

Ни что не можетъ быть выше народной музы-
ки, если только народъ имѣлъ поэтическое рас-
положеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни.

Н. Гоголь, о Малорос. песняхъ.

Тетрадь первая.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1 8 3 4.

Характерно, что при переписке Гоголь сознательно избегал какой бы то ни было классификации песен; обоснование этого было дано им в письме к Максимовичу 26 марта 1834 г.: «...зачем ты делишь свое собрание на гулливые, козацкие и любовные? Разве козацкие не гулливые, и гулливые не все ли козацкие. <...> Разве нет таких песней, у которых одна половина любовная, а другая гулливая. По мне, разделения не нужно в песнях. Чем больше разнообразия, тем лучше. Я люблю вдруг возле одной песни встретить другую, совершенно противного содержания. <...> Впрочем, как бы то ни было, разделение вещь последняя»¹⁵.

Подобные чисто эстетические задачи ставил себе Гоголь и при упорядочении песенного своего собрания. Переписывая тексты песен, он часто сближал их по контрасту содержания либо, наоборот, группировал несколько песен однородного содержания, тут же рядом помещая совсем иные по настроению. В публикуемой ниже тетради отчетливо выделяется тематическая группа, близко и непосредственно связанная с работой писателя над «Тарасом Бульбой». Это исторические песни и думы, частью подлинные, частью поддельные (из сборника И. И. Срезневского «Запорожская старина», 1833—1836) о судьбе изменников родины, перешедших на сторону врага и погибших от рук бывших своих товарищей. Именно к данной группе песен скорее всего можно отнести признания писателя в письмах к друзьям о той помощи, какую оказывают ему в работе народные песни. «Малоросси<йские> песни со мною, — пишет он, например, 3/15 августа 1839 г. Погодину из Мариенбада. — Запасаюсь и тиснусь сколько возможно надыхаться стариной»¹⁶. Или в письме к С. П. Шевыреву от 13/25 августа 1839 г.: «Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества <...> Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навяли их, или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается»¹⁷.

В настоящее время записи самого Гоголя в его тетрадях не могут быть выделены особо, хотя работами ряда литературоведов и фольклористов, особенно советских, установлены многие песни, извлеченные писателем из печатных и рукописных сборников. Можно предполагать, в частности, что Гоголю принадлежат все записи коротких песенных отрывков, рассыпанных в тетрадях; по ним в будущем научном издании гоголевского песенного собрания (в таком издании давно уже ощущается необходимость) возможно будет воспроизвести реконструкцию многих песен, которые знал писатель. Однако и после этого окажется значительное число песен с невыясненной атрибуцией.

Во всяком случае, даже сравнительно скромная доля записанных самим Гоголем и его корреспондентами песен не лишает его собрание значения одного из наиболее обширных собраний украинских народных песен в первой половине XIX в.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Из работ на эту тему заслуживают быть упомянутыми: Н. И. Петров. Южно-русский элемент в ранних произведениях Гоголя. — «Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора Летописца». Киев, 1902, стр. 53—74; В. В. Данилов. Влияние бытовой и литературной среды на «Вечера на хуторе близ Диканьки». — «Сборник, изданный Новороссийским университетом по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя». Одесса, 1909; Борис Соколов. Гоголь-этнограф. (Интересы и занятия Н. В. Гоголя этнографией). — «Этнографическое обозрение», 1909, № 2-3, стр. 59—119; М. Н. Сперанский. К истории собирания песен Гоголя. Нежин, 1912. — В советское время этим вопросом занимались: С. А. Красильников. Источники собрания украинских песен Н. В. Гоголя. — «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования». Под ред. В. В. Гиппиуса, т. 2. Л., 1936, стр. 377—406; И. Айзеншток. Гоголь и фольклор. — «Литературная критика», 1939, № 7, стор. 40—64; В. В. Гиппиус. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. — «Труды Отдела новой русской литературы Института литературы Академии наук СССР», кн. 1. Л., 1948, стр. 9—38; Г. Л. Абрамович. Народная мысль в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. — Учен. зап. Моск. обл. пед. института им. Н. К. Крупской. Труды кафедры русской литературы, т. 13, в. 1, 1949, стр. 3—53; Ф. Полищук. Гоголь и украинская народная песня. — «Советская Украина», 1952, № 2, стр. 99—107; В. К. Соколова. Этнографические и фольклорные материалы у Гоголя. — «Советская этнография», 1952, № 2, стр. 114—128; О. А. Державина. Мотивы народного творчества в украинских повестях и рассказах Н. В. Гоголя. — Учен. зап. Моск. гор. пед. института им. В. П. Потемкина. Кафедра русской литературы, т. 34, в. 3, 1954, стр. 17—45; А. Карпенко. Народные истоки эпического стиля исторических повестей Н. В. Гоголя. Черновцы, 1961 (последняя работа выполнена уже с учетом публикуемых нами песен; литературу о них см. ниже во вступлении к примечаниям).

² Виталий Пашков. Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя. — «Берег», 1880, № 268, 18 декабря.

³ А. А. Назаревский. Из архива Головин. — «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования». Под ред. В. В. Гиппиуса, т. 1. М. — Л., 1936, стр. 326—327.

⁴ Гоголь, т. X, стр. 142.

⁵ Гоголь, т. IX, стр. 141.

⁶ Гоголь, т. X, стр. 150.

⁷ «Русский архив», 1908, № 10, стр. 266.

⁸ Николай М. <П. А. Кулиш>. Записки о жизни Гоголя, т. 2. СПб., 1856, стр. 158.

⁹ Гоголь, т. X, стр. 290—291.

¹⁰ Гоголь, т. IX, стр. 76—77.

¹¹ Гоголь, т. VIII, стр. 90—91.

¹² Гоголь, т. X, стр. 298, 299.

¹³ Там же, стр. 297—298.

¹⁴ Там же, стр. 300.

¹⁵ Там же, стр. 306.

¹⁶ Гоголь, т. XI, стр. 240—241.

¹⁷ Там же, стр. 241.

№ 1—2

Про гетьмана Свирговського

1

- Ой, з волохами турчин дереться,
А з татарами волох б'ється.
І ті і сі у Волощину йдуть,
А волохи козаків до себе звуть.
Ой, волохи козаків до себе звуть,
До козаків такі речі ведуть:
— Від моря і від Царя-города вітри гудуть,
Турки і татари у Волощину йдуть.
Ой, вже Волошські землі руйнують,
10 Руйнують, пліндрують, не милують.
Ой, ідіть, панове, нам допоможіть,
Свою славу козацьку спом'яніть!
Тоді-то панове козаки виступали,
До Волощини дорожку топтали.
А ішли із їми чотири гетьмани,
Всі чотири хоробрії атамани.
Що один — то пан пишний Свирговський,
А що другий — то пан Зборовський,
А що третій — то пан Морозенко,
20 А що чвертий — то пан Горленко.
А старший над їми Свирговський пан,
Хоробрий запорожський гетьман.
Як же йшов він до Волощини з дому,
На коню не вигравав, недобрее чув.
Не то батенько сина прощав,
Шаблю та зброю давав;
А то матінка сина випровожала,
Що слізьми опрощенье давала,
Ой, слізьми опрощенье давала,
30 На горе собі його вигодовала.
Ой, пішли ж козаки та пішли,
А всіх було три тисячі.
У Волощині здобич набрали;
Здобич набрали, додому вертали,
Додому йдучи, пісню співали,
Що гетьмана свого оплакали:
— Ой, іржали коні, під гору йдучи,
Голосили турки, до Кілії йдучи.
Як же пан гетьман до Кілії прибував,
40 Усіх козаків поради питав:
— Десь-то мені, браття, сподітися,
Десь-то про мене вам оглядітися,
Сподівувся пан гетьман у могилі,
Як його турки в Кілії забили.
Плакала стара баба Грициха,
Мов перепелиха, мов перепелиха.
Молода сестра сон-траву ірвала,
Стару бабу Грициху питала:
— Чи той сон-трава — козацькая сила,
50 Чи той сон-трава козакові могила?

— Ой, той сон-трава, доню, виріс у полі,
 Та дала ж то недоля його моїй доні.
 Будем з тобою, доню, сумовати,
 Що нашого Йвана у могилі шукати.
 Що нашого Йвана турки забили,
 Турки забили, козаки зхоронили,
 Біля Кілії на турецькій лінії.

2

Як того пана Йвана,
 Що Свирговського гетьмана,
 Та як бусурмени піймали,
 Та голову йому рубали,
 Ой, голову йому рубали,
 Та на бунчук вішали,
 Та у сурми вигравали,
 З його глумовали.
 А із низу хмара стягала,
 10 Що воронів ключа набігала,
 По Україні тумани клала,
 А Україна сумовала.
 Ой, Україна сумовала,
 Свого гетьмана оплакала.
 Тоді буйні вітри завивали:
 — Де ж ви нашого гетьмана сподівали?—
 Тоді кречети налітали:
 — Де ж ви нашого гетьмана жалкували?—
 Тоді орли загомоніли:
 20 — Де ж ви нашого гетьмана зхоронили? —
 Тоді жайворонки повилися:
 — Де ж ви із нашим гетьманом простилися?
 У глибокій у могилі
 Біля города біля Кілії
 На турецькій лінії.

№ 3

Про атамана Байду

Ой, в містечку славнім Берестечку
 Ой, п'є Байда мед та^{1*} горілочку.
 Ой, п'є Байда та не день, не два,
 Та не одну нічку, тай не годиночку.
 Цар турецький к йому присилає,
 Байду к собі підмовляє:
 — Ой, ти, Байда, та славнесенький,
 Будь мені лицар та вірнесенький!
 Возьми в мене царівночку,
 10 Будь паном на всю Україночку!
 — Твоя, царю, віра проклятая,
 Твоя, царю, дочка поганая.

^{1*} Сначала было: да, исправлено на: та.— Ред.

СЛЕПОЙ КОВЗАРЬ

Рисунок И. П. Трутнева (акварель, карандаш), 1860-е годы.
Третьяковская галерея, Москва

- Ой, у Києві та на риночку,
Там п'єть Байда горілочку.
Ой, п'є ж він та^{1*} підшиває,
А цар турецький на його похваляє
Ой, кликнув цар на свої гайдуки:
— Та візьміть Байду в добрії руки!
Та візьміть Байду та зв'яжіте,
²⁰ Та на гак ребром почепіте! —
Ой, узяли Байду, і зв'язали,
На гак ребром почепляли.
Ой, висить Байда не день, не два,
Та й не одну неділочку.
Ой, висить Байда та й гадає,
Та на свого хлопця споглядає,
Та на свого хлопця молодого
І на свого коня вороного:
— Ой, ти, чуро молодесенький!
³⁰ Подай ти лучок та тугесенький!
Подай мені лучок та стрілок пучок:
Та забачив я трьох голубочок.
Нехай же я уб'ю царю
Та на славную вечерю.
Як ударить царя да посередь чола,
А царицю у потилицю, а царівночку у головочку.
— Оце тобі, царю, та за твою кару,

^{1*} Спочатку було: да, виправлено на: та. — Ред.

Та за твою дочку за погану!
 Було тобі знати, як Байду карати.
 40 Було Байді голову ізтяти, його тіло поховати.

№ 4—5

Пр о г е т м а н а Н а л и в а й к а

і

Ой, у городі Могилеві димом потягнуло,
 Як то військо запорожське з гармат та ревнуло.
 Ой, у городі Могилеві та сталося пусто,
 Як повіяли козаки з самопалів густо.
 Ой, у городі Могилеві орли та гадюки
 Ляшським тілом годуються, ляшську тілу радуються.
 Ой, у городі Могилеві що пні та колоди,
 Прилучилося, бач, лихо ляшській породі.
 Не таке іще б лихо, як тая позора,
 10 Що ходить та по білу світу з двора та до двора.
 Не так тая позора, як козакам порада,
 Що, кравчину шануючи, ляхам далась зрада.
 Далась ляхам зрада із самого рана,
 Від гетьмана Наливайка, шановного пана.

2

Славна стала та кравчина, як на Польщу стала,
 Вовкулакам католикам мстючи зраду дала.
 Тую зраду, тую зраду, що в мури, в темниці
 З Наливайка позичала, як з бідної вдовиці.
 Вдовин сину, вдовин сину! Є ще в тебе браття.
 А в братів твоїх козаків багацько завзяття.
 Сходилися всі козаки, раду положили,
 Та на раді на поляків поход присудили.
 Розходилися козаки із своєї ради,
 10 Вибирали з-під каміннів великії клади.
 Клади продавали, самопали купували;
 Купували самопали, в поход виступали.
 А попереду всіх Голий-сокол літає,
 На конику вороному жахом виграє.
 Привертали козаченьки порану до Случі,
 Та з гармати густовали католиків звучи.
 А ляхи й почули, ув отвіт ревнули.
 Бодай же їм тяжко-важко, що вони ревнули.
 Що вони ревнули, біду провіщали...
 20 А козаки-гайдамаки думали-гадали,
 Думали й гадали, думали й гадали;
 Тяжко-важко за гетьманом своїм сумовали.
 А в Варшаві та на раді та судді судили;
 Та в волю спалити Наливайка присудили.
 Присудили Наливайка та ляхи спалити;
 Присудили козаченьки ляхам відомстити.

про Гетмана Наливайка!

А.

Ой, у городи Могилеві двічі виступав потемнило,
Але то виступав вогородиства в гурлах та ревнило.

Ой, у городи Могилеві та сталося чудесо,
Хаз побігли козак в самонавіде змето.

Ой, у городи Могилеві друки та відомі;
Амистави тилом гургутило, Амистави тилом радується.

Ой, у городи Могилеві шир пши та кохоби,
Кричавали, бач, мило Амистави городи.

Не бачиш кин-в-ліво, але тая позора,
Що ходили та по білу світу в двора та до двора.

Не тая тая позора, хаз кохали позора,
Що Кравчину манурило Амистави дала зрада.

Дала Амистави зрада шир сабино рани,
Виді Гетмана Наливайка, манурило пана.

II.

Славна фран та Кравчина хаз на полтаву брала,
Вовку, лавали Кавказави мистини зраду дала.

Тую зраду, тую зраду, що в кину, в темниці
В Наливайка позвала, хаз в видній вдоваці.

Вдовина світу, вдовина світу! Ено в тебе
Бранів
А вбрати твоє кохали вбрати заврели.

ДВЕ ПЕСНИ ПРО ГЕТМАНА НАЛИВАЙКА, ЗАПИСАННЫЕ Н. В. ГОГОЛЕМ

Автограф неустановленного лица. Заголовок рукою Гоголя, 1836—1842 гг.

Песня первая и зачин второй

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

№ 6—7

Про асаула Тетеренка

1

- Ой, по горі вітер віє, віє-завиває,
 А в долині храбре військо в поход виступає.
 В поход виступає та на бусурмана,
 Коней знаряжає, молить атамана:
 — Пане атамане, хоробрий Тетерю!
 Веди ж нас на бусурмана! — Не була б потеря!
 — Не так тая потеря, як то, щоб подратися!
 Вже ж не вічно під Каневим нам тут зоставатися! —
 Ой, по горі вітер віє, а в долині жінці жнуть,
¹⁰ А по шляху по Серпягу Тетерю везуть.
 Та й везуть же його, а він ні до чого!
 Чи ж він хворий, чи хмельний Тетеря старий?
 Ой, везуть же його, а він ні до чого.
 Везуть із Тетерею сина молодого.
 — Батько мій старий! Що то буде з нами?
 — Вже не що, що ляхи везуть до Варшави.
 А в Варшаві та на раді судді собі рядять.
 Привезуть нас до Варшави, у яму засадять,
 У яму засадять, хлібця не дадуть,
²⁰ Води не дадуть, винця не дадуть.
 А дадуть нам сиру землю: їж, хоч подавися;
 Тільки на світ божий дивись — не дивися. —
 Ой, по горі вітер віє, а все поле гуц-гуц!
 А Тетерю то із сином у Варшаву везуть.
 А на річці на Вислянці судять-рядять та поляці:
 Чи Тетерю вбити, чи у яму засадити.
 Засадити Тетерю із сином у яму;
 То й зрядились та продати його бусурману.
 Ой, по горі вітер віє, а в Бендерах димно;
³⁰ Там Тетеря то із сином б'є поляків дивно.
 Ой, по горі вітер віє, віє до Керману;
 Там Тетеря та із сином б'є вже й бусурмана.
 Ой, по горі вітер віє, а все поле чкив, чкив;
 Там Тетеря то із сином частує ляхів.
 Частує-частує, то й не начастує,
 Бо Тетеря вже й без сина ходить <та сумує>.
 Сумує-сумує, та й не перестане:
 — Прощай, синку, серце моє, серденько кохане! —
 А рибалка по бережку, як ластівка в'ється;
⁴⁰ А батенько та по синку тяжко, тяжко рветься.
 Плач-плач, Тетерю, по коханім синку!
 — Вже із Польщі, із Варшави не вернешся, синку!
 Ой, не дай же, боже, у Польщі умерти!
 Ніхто не посумує о твоїй смерті.
 Тільки ж ворон, ворон прилетить до тебе,
 Та й сядить на тебе, та поклює тебе.
 Ой, поклює тебе, та й перестане,
 Прилетить зозуленька та плакати стане.
 Тільки ж ворон та зозуля й будуть тебе знати.
⁵⁰ Тільки ж одна зозуленька й буде сумовати.
 Жаль-жаль тебе, синку, коханий жовніру,
 Що проміняв свою віру на чужую віру.

2

- Славна стала, славна стала та Чигринська рада,
 Що всієї України далася порада.
 Славна стала, славна стала та Чигринська січа,
 Що побито католиків з Подолля, з Поріччя.
 Славна стала, славна стала та Чигринська хмара,
 Що кравчина католикам похмілля задала.
 Не такого похмілля, як козакам з весілля,
 Не такої поради, як полякам примир'я.
 Тільки то й горе, що Тетеренко з ляхами здружився,
- ¹⁰ Руйновати церкву божу та й не устидився.
 Стали глуми, стали глуми, стали й наговори;
 То козаки та сходились у раду поволі.
 А у раді присудили Тетеренка съкати,
 А піймавши, Тетеренкові голову здіймати.
 Як на тее обізвався Случай той моривий.
 Каже: — Я його піймаю, голову зрубую,
 Та й у всіх вас, гайдамаків, проситися мушу,
 Подаруйте Случаєві шельмованця душу.—
 Пійшов Случай та блукати, Тетеренка шукати;
- ²⁰ Ось і став він до Варшави конем привертати,
 От як став він до Варшави конем повертати,
 Став з ляхами Тетеренко з лісу вихожати.
 — Здоров, здоров, Тетеренко! Як ще маєш жити?
 Приказали гайдамаки тебе ізловити.—
 Тоді стали на Случая ляхи наступати,
 А Случай став гайдамаків бити та рубати.
 Усіх побив, усіх зрубив, Тетеренка пов'язав,
 До коняки прив'язав, той заполовав.
 Случай, Случай половає, а Тетеренко б'ється.
- ³⁰ Молить, просить Случаєві...— Лихо — ка — минеться.
 Минулося лихо, як степи минули,
 То до Січі до великої хутко привернули.

* № 8

П р о а с а у л а Ч у р а я

- Орлику, сизий орлику, молодий Чураю!
 Ой, забили ж тебе ляхи та у своїм краю.
 Що забили тебе ляхи із твоїм гетьманом,
 Із твоїм гетьманом що паном Степаном.
 Орлику, сизий орлику! Орлів братів маєш!
 Що старії й молодії — сам їх добре знаєш.
 Що старії й молодії — всі в тебе вдалися,
 Відомстити та за тебе усі поклялися.
 Що старії й молодії — усі голіннії,
- ¹⁰ А в їх коні воронії швидкії, бистрії.
 Швидкії, бистрії, як орли літають,
 На ляхськії городи хмарою набігають,
 А в їх списи булатнії з довгими кінцями,
 Всі гострі, як голочки, з довгими кльочами.
 А в їх шаблі булатнії на обидва боки,
 Ляхи зраду сиплють по всі вічні роки.

№ 9—10

Про Саву Чалого

<1>

- Ой, був у Січі старий козак прозванієм Чалий,
 Вигодував сина Саву козакам на славу.
 Ой, не схотів та пан Сава козакам служити:
 Він пійшов до ляшеньків слави залучити.
 Він пійшов до ляшеньків служби відправляти,
 Із ляхами православну церков руйновати.
 Ой, був Сава, та їв сало, та все паляниці;
 Не кохав Сава молодих дівчат, та все молодиці.
 Не кохав Сава панів козаків, та все католики:
¹⁰ Загубив Сава, протесав Сава свою віру навіки.
 От і зібралися запоріжці, всі у раду зхожали;
 За походи туди-сюди промеж себе рахували,
 Усі прийшли, усі прийшли, одного нема...
 — Ой, чом же тебе, батьку Чалий, у раді нема? —
 — Ой, чого ж та мені, панове, у раду ходити?
 Що хочете мого сина Саву навіки згубити.
 Хоч він став собі до ляхів, та вже ж синку милий,
 Чому ти став та до нас такий став спесивий? —
 Ой, спесивий, не спесивий, — пани кажуть, — Сава;
²⁰ Та недобра, зуривочна стала його слава.
 Що не тільки що пан Сава церков та руйнує;
 Із бісами став за право й барзо знахорює. —
 Як на те обізветься Голий, каже: — Добре знаю!
 Я того пана Саву у руки піймаю. —
 От і стали ті панове, раду розсучали;
 Коней посідляли, в поход виступали...
 Ой, п'є Сава в Немирові, в ляхів на обіді;
 Та й не думає й не відає о своїй горькій біді.
 Ой, п'є Сава й гуляє, ляхом вирубає;
³⁰ А до його що до Сави гонець приїзжає.
 — А що ти тут, Хомку? Чи все гаразд дома? —
 — Протоптана, пане, стежка до вашого двору.
 Та все гаразд, та все гаразд, усе хорошенько;
 Виглядають <гайдамаки> ^{1*} з-за гори частенько.
 — Ото лихо! виглядають! Я ж їх не боюся.
 Хіба ж нема в мене війська? Я не забарюся...
 Подай, хлопку, подай, Хомку, свого ^{2*} вороного,
 Собі сідлай, собі чухрай старого гнідого. —
 Поїхав Сава з Немирова на воронім коню,
⁴⁰ А приїхавши, гадає та про свою долю.
 — Ой, ти ж, доле! — каже Сава, — щербата доле!
 Питається челядоньки: чи все гаразд дома?
 — Гаразд, гаразд, пане Саво, ще лучче з тобою,
 Як тебе та побачимо та на воронім коню.
 Гаразд, гаразд, пане Саво, усе хорошенько,
 Виглядають із-за гори козаки частенько. —
 Ой, сів Сава в кінці стола, все листоньки пише,
 А Савиха молодая дитину колише.

^{1*} Пропуск в рукописи. — Ред.^{2*} Ошибка переписчика; по смыслу следует: мого

СТАРИК-УКРАИНЕЦЬ

Етюд В. А. Тропинина (масло),
1820-е годы

Третьяковская галерея, Москва

Сава листи пише, Сава думку дбає.

⁵⁰ От вже Сава та пан Сава гадку замишляє:

— Та пійди, хлопку, до пивниці та вточи горілки,

Нехай же ми нап'ємося за здоровіє жінки.

Та пійди, хлопку, до півниці та й уточи пива:

Нехай же ми нап'ємося за здоровіє сина.

Та пійди, хлопку, до пивниці, та уточи меду...

Чомусь мені трудно-нудно... головки не зведу.—

Сидить Сава в кінці стола, все листи читає,

А Савиха молодая все дума й гадає.

Сидить Сава в кінці стола, хлопця визиває,

⁰ А Савиха молодая плаче та ридає.

Та й не вспів же хлопець з стіни ключі зняти;

Став Ігнат Голий з кравчиною ворота ломати.

Як відсуне та пан Сава віконце від ринку,

А вже тії гайдамаки блукають по сінку.

Та й не вспів же хлопець на ногу ступати,

Став Ігнат Голий у хаті двері відчиняти.

Іде Ігнат Голий у хату, двері відчиняє,

Двері відчиняє, Саві чолом оддає:

— Та здоров, здоров, пане Саво! Як ти себе маєш?

⁷⁰ Що здалека гостей маєш, чим їх привітаєш?

Ой, чи медом, ой, чи пивом, чи горілкою?

Та прощайся ж з своїм сином та із жінкою!

— Ой, чим мені вас, панове, чим вас привітати?

Даровав мені господь сина: буду в куми брати.

Та дав би я вам меду-вина, не зхочете пити,

Що ви мене, молодого, хочете згубити?

— Та ми не того до тебе й прийшли, щоб в тебе медувати,

А ми з того до тебе прийшли, щоб тебе розчитати.

- Ой, ве́ди ж нас, пане Саво, у нову ко́мору,
 80 Та оддавай нам, пане Саво, козацьку́ю збро́ю.
 Та оддавай нам, пане Саво, су́кні, едама́шки,
 Шо́ ти нажив, вражий си́ну, з козацько́ї ласки.
 Ой, ми не того́ до тебе при́йшли, щоб в тебе кумова́ти;
 А ми з того́ до тебе при́йшли, щоб голо́вку і́зняти.
 Ой, бу́ло б то́бі, пане Саво, га́рд не руйно́вати,
 Ко́ли ти хоті́в запоро́жців у куми со́бі бра́ти.
 Бе́ріть же його́, панове, за неві́рну ру́ку,
 Зв'яжи́ть його́, като́лика, зв'яжи́ть його́, па́длюку! —
 Ой, ки́нувся та пан Са́ва до я́сного ме́ча...
- 90 Взя́ли його́ на три спи́си із пра́вого пле́ча.
 Ой, ки́нувся та пан Са́ва за я́сну збро́ю...
 Та підня́ли гайда́маки на три спи́си в го́ру.
 — Оце́ ж то́бі, пане Саво, су́кні, едама́шки,
 Шо́ ти нажив, вражий си́ну, з козацько́ї ласки! —
 Ша́тається, мо́тається і з жі́нкою проща́ється,
 На всі чо́тири сто́рони па́нам по́кланяється:
 — Ой, да́йте ж ме́ні, панове, із жі́нкою по́прощати́ся!
 Ой, да́йте ж ме́ні, панове, із си́лою со́брати́ся...
 Ой, не вспи́в же та пан Са́ва на ко́ліна впа́сти,
- 100 У кайда́ни за́ковали, ста́ли на ві́з кла́сти.
 То́ді-то пан Са́ва Ча́лий до ко́заків укля́няе,
 Хре́сти на се́бе по́кладає, слі́зно промовля́є:
 — Ой, панове запоро́жці! Хи́ба ж то́ вам сла́ва,
 Шо́ в кайда́ни та за́литий ле́жить у ва́с Са́ва?
 Якби ви його́ об во́лю з кайда́нів пу́стили,
 Сла́ву б со́бі найбі́льшу о́чим за́лучили.
 Якби ви його́ об во́лю між се́бе при́йняли,
 Сла́ву б со́бі найбі́льшу о́чим да́рували.—
 Ша́тається, мо́тається і з жі́нкою проща́ється.
- 110 На всі чо́тири сто́рони па́нам по́кланяється.
 А Са́виха мо́лодая ві́кном уті́кала,
 На мо́лоду че́лядоньку спільно по́глядала:
 — Ха́пай, ха́пай, че́лядоньки, ма́лу дити́ну,
 Буде́ш жи́ти-панува́ти, ко́ли я не зги́ну!
 — Ой, нічо́го, па́ні Са́виха, дити́ну ха́пати:
 А лу́чче, па́ні Са́виха, па́на Са́ву не ки́дати.
 Шо́ бачи́ш, твій пан Са́ва хо́че на то́м хре́ст ці́лувати,
 Шо́ бу́де зао́дно з на́ми на ля́хів на́ступати.—
 Ой, і да́ли во́лю Са́ві, в по́ход ви́ступали,
- 120 Та бо́гати́рю Са́ві ба́рзо дя́ковали.
 Шо́ не вспи́в же та пан Са́ва сво́го ко́нюха^{1*} стра́сти.
 Та й ста́в ля́хів, та й ста́в ля́хів як сно́пики кла́сти.
 Ой, не вспи́в же та пан Са́ва на ко́ника сі́сти;
 Бу́ло ля́хів со́рок ти́сяч, зо́стало́ся дві́сті.
 Ой, як гля́не та пан Са́ва на пра́ву(ю) ру́ку:
 — Ой, ви́скочи, ко́ню, ко́ню, та з ля́шсько́го тру́пу!
 Ой, як гля́не та пан Са́ва на пра́ве плече́,—
 По́зад його́, по́перед його́ кро́вава рі́чка те́че.
 Не бо́їться ко́заче́нько ні гро́му, ні ту́чі:
- 130 Хо́роше́нько в ко́бзу гра́є, до Са́вихи йду́чи.

^{1*} *Ошибка переписчика в.м.: коника*

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Гравюра Пауля Фюрста,
1650-е годы.Внизу помета неустановленного
лица о месте и времени приоб-
ретения гравюры

Исторический музей, Москва

<2> В а р и а н т

Ой, був в Січі старий сідий, на прозванье Чалий,
Вигодовав сина Саву козакам на славу.

— Та чи бачиш ти, старий Чалий, що син Сава робить,
Де піймає запорозця, то в кайданах водить.
Ще ж не вспів сину Саві трьох слів ісказати,
Ой, не могли б сина Саву усі в руки взяти...
Ой, збув Сава в Немирові в пана на обіді,
Не знав Сава й не відав своєї тяжкої біди.

Ой, як крикне так пан Сава на хлопця малого:

¹⁰ — Сідлай, хлопку, сідлай, малий, коня вороного!
Сідлай мені вороного, а собі другого,
Поїдемо оглядімо ми дому нового.—

Ой, приїздить та пан Сава до нового двора,
Питається челядина, чи все гаразд дома.

— Та гаразд, гаразд, пане Саво, тільки одно страшно:
Виглядають гайдамаки із-за гори часто.

Гаразд, гаразд, батьку Саво, та щось по нас буде,
Що у наших нових домах сизий голуб гуде.

Ой, як гляну на Січ нову, то весь іздрогнуся.—

²⁰ Ой, сів Сава на ліжечку, та тяжко вздыхає.

А Савиха в новій ложі дитину витає.

Ой, сів Сава в кінці стола, розкинув ворожки:

Ой, жеж биде козак Гнатко чорної дорожки(?):

— Піди, хлопку, піди, малий, та уточи пива,

Ой, вип'ємо за здоров'є і за мого сина,
 Піди, хлопку, до пивниці, та уточи горілки,
 Ой, вип'ємо за здоров'є і моєї жінки.
 Та піди, хлопку, до пивниці та уточи меду,
 Ой, щось мені трудно-вудно на моему серденьку. —
³⁰ Ой, ще хлопець і ще малий не звернувся з пивниці,
 Шатається козак Гнатко по новій світлиці.
 — Та здоров, здоров, пане Саво! Ой, як собі знаєш?
 Іздалека гостей маєш, чим їх привітаєш? —
 — Ой, чим я вас, пани молодці, вже буду вітати?
 Ой, дав мені господь сина, буду в куми брати. —
 — Та коли хотів, пане Саво, нас в куми брати,
 Не іти було гей до гарду церкви руйновати. —
 — Привітаю, вас, пани молодці, вже буду вітати. —
 — Попрощайся, пане Саво, з дітьми і з жінкою. —
⁴⁰ Ой, кинувся та пан Сава до ясного меча,
 Взяли Саву на три списи спід правого плеча.
 Ой, кинувся та пан Сава до своєї зброї,
 Взяли Саву на три списи та підняли вгору.
 — Та коли хотів, пане Саво, довго панувати,
 Не йти б було із ляхами нас не здоровати.

(Доставлено от В. В. Пассека)

№ 11—12

Про гетьмана Серпягу

1

Ой, у городі у Львові зашуміли верби,
 Козак-бурлак вбитий лежить, Серпяга то мертвий.
 Ой, у городі у Львові задзвонили дзвони,
 Козак-бурлак вбитий лежить, правлять похорони
 А у городі у Каневі та й заголосили,
 Що Серпягу у могилу тихо положили.
 Ой, Серпягу положили та і заховали,
 Та по усій по Україні помин відправляли.

2

Ой, і сила, сила, сила силу подоліла:
 Серпягові та у Львові споділась могила.
 Споділась могила, як волохам любя:
 Притинали та Серпягу до сухого дуба.
 Ой, волохи, ой, волохи! З чого ж його звали?
 Що козакам-запорожцям та ізраду дали?
 Ой, ізраду дали господарю своєму!
 Ой, гетьманові Серпягові добре було й дома!
 Поминайте ж лихом господаря свого:
¹⁰ Чи він добрий, чи він злюка — ой, що вам до то о!
 Хоч він добрий, хоч і злюка, аби не падлюка,
 Притинайте та Серпягу до сухого сука!
 А Серпяга, що Серпяга брата Жаха має,
 Та від брата, та від Жаха помин сподіває.

№ 13—15

Про поход під Пиляву

1

- Ой, з города що з Полтави виїзжали козаки,
Усіх було три табори та всі три еднаки.
Що в першому у таборі, то все лейстровії;
А в другому таборі, то все хорунжії;
А в третьому таборі, то все куріннії.
А що первий табор до Пиляви ладить, із їм Морозенко;
А з другим Гайчура, пан пишний Харченко;
А третім то вадить Вовгуря Лисенко.
Ой, третім табором вадить Лисенко Вовгуря.
- ¹⁰ Конином вигляє, себе забавляє,
Конином вигляє, такі слова промовляє:
— Ой, панове молодці! буде нам до роботи;
Що у городі у Пиляві багацько охоти.—
То йдуть вони день, ніч, у неділю станом стали;
По Яцькому рогу станом стали, гінця піджидали.
То у ніч гонець під'їзжає, Лисенка питає,
Та до його укланяє, такі речі промовляє:
— Пан гетьман Хмельницький здоров тобі бути казав.
Під Пилявой з Морозенком вже він станом став.
- ²⁰ Та йще тебе з кравчиною під Пиляву прохав.
Тоді-то Вовгуря Лисенко кожух натягає,
З станку вихожає, козаків іззиває:
— Ой, панове молодці! Чиніть мою волю!
Рубіть мені дороженьку по Пилявському полю.
Рубіть мені дороженьку до Пилявського гаю:
Ой, нас гетьман Богданко до себе піджидає.—
То тоді ті козаки дорожку рубили:
Під город під Пиляву станом виходили.
Що з-під Роски, та з-під Соби гайчурівські грайці.
- ³⁰ А з-під вольного Тешлика вольні коротайці.
А з-під Лисої гори степовничі гайчури;
А з-під річки, з-під Самари самарські лугарі.
То всі тії молодці по тим боці Буга...

2

- Ой, Сьомуха волоцюга в Немиров ступає,
У Немирові молодців своїх ізбирає.
А молодці немировські у сурми сурмують,
На кониках вороних голосне гобзують.
То у ніч гонець під'їзжає, такі слова промовляє:
— Гею, гею, немировці молодці! Та вже ляхи по сім боці.
По сім боці Случи, по сім боці Случи:
До Пиляви підступають, козаченьків звучи.
Немировці молодці, спішніше спішіть,
¹⁰ До гетьмана Хмельницького під Случ веселіть.—
Ото тії молодці під Случ поспішали:
До города, до Пиляви швидко привертали.

3

- Ой, чи довго вам, панове, під Пилявой стояти?
— Ой, чи не врем'я вам, молодці, табор рушати?

— Ой, врем'я, Морозенку, табор рушати!
 Ой, врем'я, врем'я до Горині, до вишневців поспішати!
 Тії вишневці, добрі молодці, добре <Вкраїну>^{1*} плюндрують;
 Добрим часом, добрим часом православну віру руйнують.
 — Ой, не спішіть! — каже Біда слово. — Ще буде час погинути!
 Ще буде час ляхів звеселити, головки у полі зложити!
 — Ой, не спішіть! — каже Біда слово. — Вишневці до нас схаменулись!

¹⁰ Біжить гонець: — Гею, молодці! Що вже вишневці та по сім боці.

Ой, по сім боці станом стали, козаченьків звучи. —
 Пристав Максим Рокитнянський порану до Слуци.
 Тоді тії ляхи як стояли, так і пропали,
 Тільки одні козаченьки у сурми сурмовали.
 Ой, у сурми сурмовали, пана Йвана Біду оплакали,
 Ой, пана Біду оплакали, похорон йому відправляли.
 Ой, у сурми сурмовали, пана Біду оплакали,
 На думці ж вони мали, що ляхам зраду дали.

* № 16

Про Ясси

Ой ви, Ясси, Ясси, Ясси, були колись барзо ясні;
 А тепер вже не такі, як злинулись козаки.
 Ой, злинулись козаки! Ой, злинулись ляхи,
 Тай втікали із Сочави на чотири шляхи.
 Ой, злинулись козаки, ой, злинулись волохи,
 Тай втікали із Сочави на чотири роки.

№ 17

Про полковника Перебійноса

Ой, лугами та берегами та зеленії віти,
 Та засідають ляхи, та засідають пани Перебійноса вбити.
 А Перебійнос того й не гадає, та мед-вино попиває...
 Ой, не дали Перебійносу та вечеряти сісти,
 Ой, прийшли Перебійносу немудрії вісті:
 — Стережися, Перебійносу, ти сі чорні гати.
 Ой, іде ляхів сорок тисяч, хотять тебе взяти. —
 Ой, крикне пан Перебійнос на хлопця малого:
 — Обігай, хлопче, обігай, малий, од хати до хати,
¹⁰ Ой, дай же ти, малий, всім козаченькам знати. —
 Ой, одсунув пан Перебійнос покутню кватирку,
 Аж гуляють ляхи, аж гуляють пани та по його ринку.
 Ой, крикнув Перебійнос на хлопця малого:
 — Осідлай, хлопче, осідлай, малий, коня вороного;
 А собі, хлопче, а собі, малий, хоч пологого. —
 Ой, не дали та Перебійносу на кониченька сісти —
 Як узав ляхів, як узав панів, як снопики, класти.
 Ой, не дали та Перебійносу на кониченька сісти,
 Як узав ляхів, як узав панів на капусту сікти.
²⁰ Ой, гляне пан Перебійнос на лівую руку,
 Та не вискочить його конь вороний із лядського трупу.
 Ой, гляне пан Перебійнос на правее плече,

^{1*} Пропуск в рукописи. — Ред.

Аж із ляхів, аж із панів кровавая річка тече.
То пан Перебийнос добре думав-гадав-замишляв:
Ляхів побив, панів згубив, Україну до себеєднав.

* № 18

Про гетмана Хмельниченка

Ой, пане Хмельниченку, Юроньку Юру!
Зав'ялив головуньку, цвітку понурий!
Чи то тобі турещина так знати далася?
Чи то тобі гетьманщина отак піддалася?
Ой, Юру Хмельниченку, молодець прекрасний!
Всім ти добрий козак, всім ти барзо ясний!
Ізломилися шабельки та на твоєму боці!
Затягнули жупанчик козаки охочі.
Ой, Юру Хмельниченку! найясний козаче!
¹⁰ Така твоя доля, що шабелька плаче!
Таке твоє щастя: жупан розв'язавсь,
Козакам у здобич, мов хурко, доставсь.

№ 19—20

Про полковника Пушкаря

1

Не день, не два Виговський гетьман до Полтави сучив
У самого сорок тисяч, та ще й ляхів вів.
Ой, куди-то пресучий Виговський ляхів вів?
Ой, вів він ляхів супротив козаків.
Ой, вів він ляхів супротив Пушкаря,
Що стоїть він за віру православну та за білого царя.
Ой, царю, білий царю! Врем'я з тобою щитати!
Ой, будете, царю та Мартине Пушкарю, знати, як мене прозивати.
Ой, будете знати, як мене поважати, як Вкраїну до себе єднати.
¹⁰ Що будете знати, як по лісах уганяти.
То Виговський гетьман до Полтави дорогу верстав:
Поверставши дороженьку, по Голтві станом став;
А ставши собі станом, Пушкаря окликав:
— Мартине, Мартине, сучий ти сине!
Іди із мною мед-горілку пити, козаків лічити.
Которії голіннії, тії до мене перейдуть,
Которії ледащі, тії із мною биться зачнуть.
От надійшов Пушкар Мартин, по сій бік став,
З гармат та з рушниць по гетьману стріляти почав.
²⁰ — Ой, Мартине, Мартине, сучий ти сине! що ти задумав-загадав?
Що Виговського гетьмана рушати зачав?
Що в тебе, сучий сине, лятвою лятва,
А в мене й ляхи, й козаки, й татарська орда...
— А ну, пане Стефане! Як ти себе маєш?
Ти коні маєш, гармати маєш, чом Пушкаря не оступаєш?—
— Я ж би його враз оступив, та йому білий цар помагає;
А в мене що й коней і гармат, що й вірної душі немає.
— А ну, пане Трофиме! Як ти себе маєш?
Ти ж військо хоробре й вірну душу маєш, чом Пушкаря не оступаєш?—
³⁰ — Я ж би його враз оступив, та йому білий цар помагає,
А в мене що й військо, що й коней, що й вірної душі немає. —

- Ото Пушкар по березі по Голстві на коню виступає;
 До гетьмана Виговського такі слова промовляє:
 — Ой, пане гетьмане! Що ж ти думаєш-гадаєш?
 Що мене своїм військом ти не оступаєш?—
 То Виговський мед-вино п'є, волосся скубе;
 Що він недоброє чує, недолю собі жде.
 Тоді-то стали пушкарівці на ляхів наступати;
 Стали ляхів середом-передом бити-побивати.
⁴⁰ То Виговський на коня сідав, у Чигрин-дуброву втікав;
 Самого Стефана Омельченка на Голтві zostавляв.
 А той пан Стефан добре думає-гадає;
 Мартина Пушкаря озиває, такі слова промовляє:
 — Прийми мене до себе! буду тобі вірно служити;
 Буду віру православну щитити, царя білого чтити.—
 То Виговський на коня сідав, у Січ Тешлицьку втікав;
 Самого одного Трофима Сороку на Голтві zostавляв.
 А той пан Трофим добре думає-гадає;
 Мартина Пушкаря озиває, такі слова промовляє:
⁵⁰ — Прийми мене до себе! буду тобі вірно служити!
 Буду віру православну щитити, царя білого чтити!—
 То тоді добре Пушкар знав, що білого царя шанував:
 Що ляхів розбивав, Виговського прогнав, сам у мирі став

2

- Тече річка невеличка, Ворсклом називають.
 Про ту річку невеличку старці й діти знають.
 Вміють про ту річку пісню співати,
 Люблять про ту річку й думку гадати.
 Думонько ти, думо! Що б сталося сумно!
 Думонько ти, думо! Не сталося б шумно!
 А де ж ви, панове, козаки молодці?
 Кістки у могилі, а шаблі в болотці.
 Де ж ти, Пушкарю, хоробрий козаچه?
¹⁰ Що по тобі, друже, Україна плаче?
 Кістки у могилі, сам в господа бога!
 Ой, плач, Україна, сирото небога!
 Твою ясну долю розшарпав Виговський,
 Що серце, мов камінь, а розум бісовський.

* № 21

Про атамана Гордієнка

Запорожці небожата! Пшениця нежата;
 Ой, підіте, оглядіте, пшеницю зажніте.
 — Ой, хоть підем оглядати, не будемо жати!
 Хвалилися запорожці Полтави достати.
 Ще Полтави не достали, а вже швед іздався;
 На бідную головоньку кошовий zostався.
 Ой, умерла в кошового старенькая мати,
 Тай нікому кошовому порадоньки дати.
 Восточний цар на Вкраїні недоймає віри,

про Козака Сагайдачного.

1.

Ой на ірмі тая жиниці жинуть,
а не під горою,
то під зеленого
Козака ідуть.

По поріді Дорошенка
вєдє своє військо
вєдє запорожкє
Дорошенкє

По сирітцї пани Врунцїї
Гидь пани катковкє
Гидь пани Воронїїї,
Свишчїї, Дурнїї.

А поріді Сагайдачїї
не пропавшє жиницї
на тїм тїмє дєшкє
необачнє!

Ой, вернєсь, Сагайдачїї!
вєдє своє військо,
вєдє своє військо
необачнє!

ПЕСНЯ «ПРО КОЗАКА САГАЙДАЧНОГО», ЗАПИСАННАЯ Н. В. ГОГОЛЕМ

Автограф, 1836—1842 годы

Начало песни

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

¹⁰ Посилає Голицина, щоб не було зміни:
— Ой, іди ж ти, Голицину, іди ж ти горою,
А я піду з москалями услід за тобою.

* № 22

Про козака Сагайдачного

Ой, на горі та женці жнуть,
А по-під горою,
По-під зеленою
Козаки йдуть.

Попереду Дорошенко
Веде своє військо,
Веде запорожське
Хорошенько.

Посередині пан хорунжий,
¹⁰ Під ним кониченько,
Під ним вороненький
Сильний, дужий.

А позаду Сагайдачний,
Що проміняв жінку
На тютюн да люльку,
Необачний!

Ой, вернися, Сагайдачний!
Візьми свою жінку,
Покинь ^{1*} свою люльку,
²⁰ Необачний!

Мені з <жінкой> ^{2*} не возиться
А тютюн да люлька
У дорозі козакові
Знадобиться.

Гей, хто в лісі, озовися!
Та викрешем огню,
Та запалим люльку —
Не журися!

№ 23—25

Про полковника Палія

1

Ой, ти гадаєш, пане Мазепо, гадаєш змінити,
Хочеш царя оступати, в пень Москву рубати,
Та не тільки що царя оступати, в пень Москву рубати,
Ще й сам хочеш на столиці царем царствувати!
Ой, у городі у Полтаві Мазепа гуляє.

^{1*} Слово покинь надписано над зачеркнутым верни.— Ред.

^{2*} В рукописи ошибочно написано: з люлькою.— Ред.

М. П. МУСОРСКИЙ. ЗАПИСЬ МЕЛОДИИ УКРАИНСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Автограф, 1870-е годы

Нотный лист (фрагмент) с историческими песнями «Чайка», «Про Сагайдачного» и др.

Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Материалы к опере «Сорочинская ярмарка»

Сидить з Іскрою, з Кочубеем, все плаче й ридас:

— Та велю ж я королю шведському та москаля бити,

Гей, велю ж я запорожцям в пень Москву рубити.—

Тай уже ж пес проклятий Мазепа у полі наметом став;

10 Зеленим вином та медом солодким подчував.

Ой, як взмовить гетьман Мазепа Палію Семену:

— Ой ти, Палію Семене! Чи не зрадиш ти мене?

— Як же я маю, гетьмане Мазепо, тебе ізражати,

Коли ти будеш, Мазепо, добро починати?

— Я думаю, Палію Семене, Москву в пень рубати,

А сам хочу на столиці царем царствувати.

— Вперед будеш, гетьмане Мазепо, у стовпа стояти,

Аніж будеш на столиці царем царствувати!

— Ой, прошу тебе, Палію Семене, по чаші вина пити!

20 — Брешеш, брешеш, проклятий Мазепо! Хочеш мене згубити!

А той Максим Іскра сидить, про Мазепу добре знає,

Палієві Семенові отак привічає:

— Ой, і годі, Семене Палію, в Мазепа вина пити!

Ой, хоче Мазепа проклятий тебе з карабина вбити!—

Ой, і п'є Семен, ой, і п'є Палій, та головоньку клонить;

А Мазепин чура йому кайдани готувить.

Ой, і п'є Семен, ой, і п'є Палій, із ніг ізвалився,

Барзо тому гетьман Мазепа, стоя, задивився.

От і крикнув пан гетьман Мазепа та на свої гайдуки:

30 — Гей, озміть Палія Семена за кріпкенькі руки!—

От і крикнув пан гетьман Мазепа та на свої янчари:

— Гей, озміть, Палія Семена, та залійте у кайдани!—

От і крикнув пан гетьман Мазепа та на свої мисливці:

— Гей, озміть Палія Семена та засадить в стрільниці!—

Не дав Палію гетьман Мазепа ні пити, ні їсти,

Доки не вислав проклятий на столицю листи.

А як же вислав гетьман Мазепа листи на столицю,

Велів закинуть Палія у темну темницю.

— Ой, царю! — каже, — есть Палій змінник, хоче Москву рубати,
 40 А сам хоче та на столиці царем царствувати.—
 Тоді озветься Палій Семен з темної темниці:
 — Бреше, бреше гетьман Мазепа в царя на столиці!
 Ой, царю! — каже, — Мазепа змінник, хоче Москву рубати.
 А сам хоче та на столиці царем царствувати.

2

Високо сонце сходить, низенько ложиться;
 Ой, десь-то пан Палій Семен теперя журиться.
 Високо сонце сходить, низенько заходить,
 Ой, десь-то пан Палій Семен на Сибіру бродить!
 — Ой, і чуро, мій чуро, мій вірний Стоусю!
 Ой, ходімо до каплиці: богу помолюся!
 Ой, і богу помолюся, святим поклонюся.
 Зледащав я понурій, стареньким здаюся.
 Стареньким здаюся, молитися мушу,
 10 Хай помилує милостивий мою грішну душу.—
 Натягнув йому чура та сірую свиту,
 Та дав йому у руку яловую віту.
 Пішов пан Семен Палій богові молитися,
 Не то богові молитися, а не то журиться.
 А як прийшов пан Палій додому та й сів на поміті,
 На бандурці виграває: — Лихо жити в світі!
 Що той, душу заклавши, свиту, бач, гаптує,
 А той по Сибіру, мов у лузі, дубує.

3

Та ще хмілю, хмілю та ще зелененький на тичину не звівся,
 А вже Палій під Полтавою із шведом побився.
 Та ще хмілю, хмілю та ще зелененький головок не схилив,
 А вже Палій під Полтавою тай шведів побив.
 Та ще хмілю, хмілю та ще зелененький козаків не згубив,
 А вже Палій з-під Полтави тай шведів одбив.
 Тоді крикне-крикне ясний король шведський, на гарматі стоя:
 — Утікаймо, Мазепо, з Полтавського поля!
 Ото вони тоді швидко утікали з Полтавського поля,
 10 Схаменулась, звеселилась козацькая доля.
 Ото вони тоді хутко утікали та не шляхом, стежкой;
 Була війську порада та й Палію з Гречкой.
 Ото вони тоді швидко утікали та не шляхом, лугом;
 Була війську порада, та й Палію з другом.
 Ото обізався пан Семен Палій: — Де ти, вірний друже!
 — Ой, нема вже твого друга! — обізався луже.
 Ото обізався пан Семен Палій, та й погнався за шведом.
 Чим його він подчував, чи вином, чи медом!
 Тоді швидко-швидко шведи утікали, дорожку визнавали;
 20 Та й ще тую дороженьку до Бендер держали.
 Тоді швидко-швидко шведи утікали лугом та тернами.
 Бодай вони не діждались битися з козаками.

№ 26—27

Прогетьмана Мазепу

1

Мазепо, гетьмане, ізрадливий пане!
 Злее починаеш, з шведом накладаеш,
 І на царя восточного руки підіймаеш!
 Підняв еси орду, ізробив тревогу!
 І при тій ізміні був Кочубей та Іскра;
 Пішли ж вони з-під Полтави та до царя знишка.
 А цар віри не доняв, до Мазепи одіслав.
 Скоро ж їх Мазепа взрів, барзо звеселився;
 А Кочубей з Іскрою слезами облився.
¹⁰ Усі пани сенатори, усі бенкет мали;
 Кочубея же із Іскрою барзо забували.
 Тільки ти їх не забув, миргородський пане,
 Що Кочубей з Іскрою за Україну стали!
 У Києві на Подолі порубали груші,
 Погубив же пес Мазепа невиннії душі.
 Ой, вигорів весь Батурин,— зосталася хата;
 Та вже твоя то, Мазепо, і душа проклята.
 Був у тебе, пес Мазепо, один хлопець німець...
 Пішло ж твоє, пес Мазепо, усе добро <на> нівець.

2

Ой, трапилось проклятому Мазепі та коржики їсти;
 А то ще й потрапилось проклятому Мазепі під Полтавою сісти.
 Та не довго католики під Полтавою станом стояли,
 Казав цар Московський: ура, хлопці! — то як пух розімчали.
 А де ти, вражий сину, Мазепа проклятий, теперя усівся?
 А де ти з сердюками-вовчатами, вовче, вгроздився?
 Кажуть люди, у городі у Бендері чогось смутно стало;
 Чи то того, що Йвана Мазепу лихо доканало?
 Ой, то того, що Йвана Мазепу лихо доканало.
¹⁰ Ой, то того, що Мазепина слава марно пропала,
 Як його тіло бусурманське у Бендері земля приймала.

* № 28

Прокозака Швачку

Зажурилася Україна, що нігде прожити,
 Витоптала Орда кіньми маленькії діти.
 Та не так вона витоптала, як вирубала,
 Котрих не рубала, тих в полон забрала.
 Ой, не єсть то козак Швачка, що загнав ляхів
 В Білу Церков в стійло.
 Ступив ляшок на порожок, шабельку стискає;
 Козак ляшка не боїться, шапки не знімає.
 Кинувсь ляшок до канчука, а козак до дрюка;
¹⁰ О це тобі, сину вражий, з душою розлука!

№ 29

Пропоходна Лінію

У Глухові у городі у всі дзвони дзвонють;
 Та вже наших козаченьків на Лінію гонють.

У Глухові у городі стрільнули з гармати,
 Не по однім козаченьку заплакала мати.
 У Глухові у городі стрільнули з рушниць,
 Не по однім козаченьку плакали сестриці.
 У Глухові у городі поплетені сітки,
 Не по однім козаченьку заплакали дітки.
 На бистрому на озері геть плавала качка,
¹⁰ Не по однім козаченьку плакала козачка.
 У Грицькові огні горять, а в Півтаві димно,
 На могилі гетьман сидить: геть там його видно!
 — Допевняйся ж, наш гетьмане, допевняйся плати,
 Як не будеш допевняти, будемо втікати.
 — Ой, ідіть же ви, панове, до Петра до свата,
 Ой, там буде вам, панове, велика заплата:
 По заступу у рученьки та ще і лопата...—
 Сидить козак на могилі, сорочку латає,
 Ой, кинувся до черешка — копійки немає.
²⁰ Сидить пугач на убогу, на вітер надувся,
 Іде козак в Україну, на лихо здобувся.
 Ішов козак на лінію, та й вельми надувся,
 Ішов козак із лінії — як лихо зогнувся.

* № 30

Про козака Жадченка

Ой, хто в Криму не бував, той і дива не видав;
 А ми в Криму бували, ми там диво видали.
 Перекопський комендант запорожцям дає знать:
 — Ой, годі ж вам, запорожці, в калантаї пробувать.
 Ой, ходімо на Яли, козаченьків рятовать.—
 Запорожці як пійшли, вперед голову найшли,
 А в Жадченка Степана облуплена голова,
 В московського капітана спина обідрана,
 Лежать наші козаки, як біленькі смички,
¹⁰ А в Жадченка у Степана по-за ногами спички.

№ 31—36

Про козака Морозенка

1

Ой, з-за гори, з-за кручі риплять вози ідучи,
 Попереду Морозенку курить люльку йдучи.
 — Годі ж тобі, Морозенку, люлечки курити;
 Іди з нами, з козаками, горілочку пити.
 — Ні! Вже мені, милі братці, горілка не п'ється,
 Що над моею Україною превелика орда в'ється.—
 Ой, з-за гори, з-за кручі горде військо виступає,
 Попереду Морозенку сивим конем виграває.
 Ой, прихилив головоньку к сивому коню до гривоньки.
¹⁰ Ой, розпустив чорні кудрі к сивому коню до копита.
 — Іди, іди, сивий коню, тихою тупою.
 Зострінемося з Ордою, з бистрою рікою.—
 Ой, з-за гори, з-за кручі товариші козаки йдуть.
 То ж не вітри гудуть, то з Морозенком вони річі ведуть:
 — Ой, пане Морозенку! Годі вже тобі журиться.
 Що час уже тобі раду озивати, на турків наступати.

СВАДЬБА В КУКАВКЕ

Картина В. А. Тропинина (масло), 1810-е годы

Третьяковская галерея, Москва

- Ой, панове молодці! Дайте мені помолитися!
 Бідна моя головонька! Се чужая сторононька!
 А в чужій стороні чужих людей много,
²⁰ Що до серденька не пригортаються, думоньки цураються.
 Ой, панове молодці! Коли йти, то ідіть,
 Тільки мене лихом, Морозенка, та не спом'яніть.
 Ой, не спом'яніть мене лихом, як припаде нам біда,
 Що то моя лиха доля, а не татарська Орда.—
 Отак же той Морозенко як під турків йшов,
 Біду собі віщував, хрести богові покладав,
 Своїй лихій долі віри не діймав.
 Ой, хто своїй долі віри не діймає, того біда знахожає.
 Серед поля, серед моря лихом оступає,
³⁰ Не відхреститися, не відмолитися, як поконати має.

2

Ой під городом Бендером покопані шанці.
 Та й піймали Морозенка не ввечері, вранці.
 Взяли ж його, Морозенка, та під пишні боки,
 Посадили Морозенка у глибці глибокій,
 Посадили Морозенка на тисовім столці,

- Зняли з Морозенка з черешів червонці.
 Посадили Морозенка на дубовій лавці,
 Зняли з Морозенка кармазин, сап'янці.
 Посадили Морозенка на білім ряденці,
¹⁰ У кайдани заковали: — Сиди, моє серце! —
 В неділеньку ранесенько, та ще на схід сонця,
 Ой, плакала Морозиха, сидя у віконця:
 — Морозенко, козаченько, як мак розпускався,
 Морозенко, козаченько, в неволю попався.
 Ой, Морозе, Морозенку, та преславний ти козаче!
 Що по тобі, по Морозенку, вся Україна плаче.
 Не так тая Україна, як гордее військо.—
 Заплакала Морозиха, та йдучи на місто,
 Та й зустріла Морозиха трьох козаків з полку.
²⁰ — Та яка ж ти старая! чорт ма в тебе товку?!
 Не плач, не плач, Морозиха! ще твій син не журився;
 Іди з нами, з козаками, вина й меду напийся!
 — Ой, чомусь мені, паренята, вино й мед не п'ється.
 Ой, десь то мій син, Морозенко, у неволі б'ється.
 — Продавай же, матусенько, корови та воли,
 Та викупляй свого сина з тяжкої неволі.
 Продавай же, матусенько, бики та телиці,
 Та викупай свого сина з сирої темниці.—
 Продавала Морозиха корови та воли,
³⁰ Викупала Морозенка з тяжкої неволі.
 Продавала Морозиха бики та телиці,
 Викупала Морозенка з сирої темниці...
 — Не лай мене, матусенько, грозними словами,
 Схаменешся й обіллешся дрібними сльозами.

3

- Ляхи кажуть, турки кажуть: Україна плаче,
 А Вкраїна та й не плаче, з Морозенком скаче.
 Скаче Україна, радується рада,
 Побив ляхів Морозенко: ото їх порада.
 Як приїхав Морозенко в свою Україну:
 — Будуть знати малі діти, як її покину.
 Будуть знати малі діти, будуть і дівчата,
 Ой, дівчата-небожата, яка їм заплаता.
 Така їм заплаता, яке в мене військо.
¹⁰ Що пізнали турки й ляхи, як втікати нишком.
 Що скрипонька від весіллечка, а струни із рути,
 Як заграє Морозенко, по всім світі чути.
 Як заграє Морозенко, турчин озоветься,
 Як поїде до Бендера, тоді й схаменеться.
 Як заграє Морозенко, ляхи заспівають,
 Що вони, бач, Морозенка ще й по Жванцю знають.

4

Ой, з-за гори та з-за кручі горде військо виступає,
 Посамперед Морозенко сивим конем виграває.
 Склонив вже він головоньку своєму коню на гривоньку:
 — Бідна ж моя головонька! Се чужая сторононька!—
 За річкою, за лиманом покопані шанці...
 Взяли-взяли Морозенка в неділеньку вранці.

Посадили Морозенка на тесовім столці,
Зняли-зняли з Морозенка з черешів червонці.
Посадили Морозенка на дубовій лавці,
¹⁰ Зняли-зняли з Морозенка кармазин, сап'янці.
Посадили Морозенка на жовтім пісочку,
Зняли-зняли з Морозенка кроваву сорочку.
Посадили Морозенка на білім ряденці,
Та й виїняли з Морозенка кровавое серце.
Лежить-лежить Морозенко в глибокій могилі...
— Подивись лиш, Морозенку, та на свою Україну!
— Дивись, не дивись, не побачу, в могилі заплачу!
Буде те, що буде, на долю козаку!
Буде те, що буде, й Україна знати,
Як мене, небогу, не лихом, добром поминати.
Який по мені, небозі, помин відправляти.
Осідлайте коня мого, пов'яжіть козацьку зброю,
Нехай біжить в Україну та до свого дому.

5

Ой, з-за гори та з-за кручі чорна хмарка виступає,
Попереду Морозенко сивим конем виграває.
Годі ж тобі, Морозенку, сивим конем вигравати,
Та ну з нами, з козаками, ходімо гуляти.
Став Морозенко гуляти, пісню співати;
Стали тоді ляхи й турки Морозенка оступати.
Оступали Морозенка кругом з шаблюками,
Та вискочив Морозенко по-під рученьками.
Та й взорили Морозенка з-під гріми з полиці,
¹⁰ Оплакали Морозенка брати й рідні сестриці.
Та й вдарили Морозенка з-під гріми з палати,
Оплакали Морозенка отець, рідна мати.
Та й повели Морозенка на круту могилу:
— Подивися ж, Морозенку, на свою Україну.
— Не pomoже, милий боже, своя Україна!
Чи pomoже, милий боже, чужа Україна?—
Та й підвели Морозенка під високу грушу,
Тай виїняли з Морозенка невинную душу.
Ой, у того Морозенка та у петлі стежка,
²⁰ Куди несли Морозенка — кровавая стежка.
Ой, у того Морозенка та у петлі стрічка,
Куди несли Морозенка — кровавая річка.
Прощай, прощай, Морозенку, найславний козаچه!
Ой, по тобі, по Морозенку, вся Україна плаче.

6

Ой, Морозе-Морозенку! найславний козак!
Ой, прибувай до нас на громадоньку!
Ой, у нас на громаді усі козаченьки,
Усі козаченьки пріч атамана.
Атамане наш! чи ти покинув нас?
Ой летіли усі голуби до Дніпра та і за Дніпр,
Проквиляли та за ними усі горлички.
Тільки одна горличка не проквиляла,
Тільки одна горличка не жалкувала,

- ¹⁰ Опрощання ні з ким не мала.
 Ой, летіли усі ворони до Дніпра та і за Дніпр,
 Проквиляли та за ними усі возулучки.
 Тільки одна зозуля не ковала,
 Одна не ковала, мовчки мовчала,
 Опрощання ні з ким не мала.
 Атамане наш! чи ти покинув нас?

№ 37

Про полковника Лободу

- Ой, у городі у Батурині дзвони задзвонили:
 То козаки-гайдамаки у раді рядили.
 Ой, у раді та рядили, як на Польщу стати,
 Та на раді присудили Вкраїну єднати.
 От і вийшли гайдамаки, хоч тисяча й двісті,
 Та багацько та за їми зведеться користі!
 А попереду пан Сулима, атаман кошовий...
 Чого ж жаху завдавати, що він чорнобровий!
 Пан Сулима, пан Сулима козаків збирає,
¹⁰ Та й усім тим гайдамакам отак промовляє:
 — Товариші гайдамаки! Чиніть мою волю,
 Що нам треба відплатити українську недолю,
 Хоч нас, пани гайдамаки, і тисяча й двісті,
 Та багацько та за нами зведеться користі.
 Ой, багацько та користі зведеться за нами,
 Коли схочете побитись бучно із ляхами.
 Як на тее обізвався Лободівський чура,
 До козаків уклоняє, отак промовляє:
 — Ой, панове гайдамаки! добре себе майте,
²⁰ Що за мого пана Івана ляхам відомщайте.
 Ой, мій пане, пане Іване! Десь-то ти зобгався,
 Що на ляхів став завперте, тай не сподівався.
 Ой, мій пане, пане Іване, Наливайків друже!
 Що задав з ним зраду ляхам, задав та й байдуже
 Ой, мій пане, пане Іване! Десь то ти сподівся,
 Що у мурі, у темниці ляхам знадобився.
 Ой, панове гайдамаки! Пана Івана вспом'яніте,
 Та за мого пана Івана ляхам відомстіте!
 Коли хочете Україну до себе єднати,
³⁰ То вам треба пана Івана добром поминати.
 Як Вкраїну тії ляхи до себе єднали,
 Тоді наші з паном Іваном в поход виступали.
 Як Україну тії ляхи плюндровали, руйновали,
 Тоді наші з паном Іваном ляхів воювали.
 Ой, і ляхів воювали, як по Бугу стали,
 То гетьмана Потоцького двічі заганяли.
 Ой, і ляхів воювали, як по Пруту стали,
 Того було, що й Цоцору добре плюндровали.
 Добро було, добро було, та сталася й зрада,
⁴⁰ Що забито пана Івана у неділю зрана.
 Добро було, добро було, біда прилучилась,
 По дубовому помосту головка зкотилась.
 Зкотилась головка з Лободиних плеч,
 А Україна сумовала, такі річі промовляла:

— Горе-біда, горе-біда! Хто нам допоможе!
 Ляхи не милують, змилуйся, боже!
 Ляхи не милують, церкви руйнують,
 У городах, у селах рублять, плюндрують.
 Лободу поховали, іншого немає:
⁵⁰ Біда Україні, що вона помирає.
 Ой, не дай же, боже, загинути кравчині:
 Як згине кравчина, й Україна згине!

№ 38—39

Про гетьмана Богданка

1

Ой, у городі у Терехтемирьовому дзвони дзвонили,
 А панове козаки у раді рядили.
 То ж вони радили, що їм робити,
 Чи дома сидіти, чи в поход виступати.
 Виступали ж вони, у поход виступали,
 На чайках, на дубах Дніпром рушали.
 У сурми вигравали, пісні співали,
 А которії найстаршії, такі річі казали:
 — Пливемо ми Дніпром за чужим добром,
¹⁰ А своє добро залишаємо ляхам з Стецьком.
 Хоча ж той Стецько і шанує нас,
 Подавав нам привілеї у добрий час;
 Але як обмане, то лиха наберемось,
 Що самі усі голісінькі залишимося.
 З чого він нам привілеї не вдавав,
 Коли не з того, щоб усе повіднімав.
 Верніться, панове! Чи не провідаємо що!—
 То козаки то й вертали, усі мовчки мовчали,
 До берега привертали, піші в город ступали.
²⁰ Аж ляхи вже у городі як пани панували,
 Срібло-злото лічили, між собою ділили.
 То козаки то тоді на ляхів наступили,
 Усіх було три тисячі, усіх і побили...
 А тоді до короля листи писали,
 Що хоча вони від його лиха не очekali,
 Але від його ляхів лиха діждали.
 То король тоді одвітні листи писав,
 Що добре вони зробили, що ляхів тих побили.
 То тоді то козаки королеві барзо дяковали.
³⁰ І з гетьманом Богданком в поход виступали.

2

Ой, Богдане, Богдане, запорожський гетьмане!
 Да чому ж в чорнім ходиш, да в чорнім оксамиті?
 — Гей, були ж в мене гості да гості татарове:
 Одну ніч почували, стару неньку зарубали, а миленьку
 собі взяли.

Гей, сідай, хлопче, коня, коня вороного,
 Татар швидко доганяти, миленьку одбивати.—
 Гей, у чистім полі там татаре ночують і вечерю готують.
 Татарин по табору ходить, миленьку за ручку водить.
 — Гей, одсунься, миленька, нехай заб'ю татаренка!

¹⁰ — Чи заб'єш, чи не заб'єш, тільки мене з ума зведеш.
 Чи влучиш, чи не влучиш, тільки мішкання розлучиш.
 Ой, сідлай, милий, коня: ти ж не мій, я не твоя!
 Гей, коли жива буду, то я тебе не забуду.

(Из Украинских пародных песен) М. Максимовича, М. 1834, стр. 77)

№ 40—46

Про гетьмана Хмельницького

1

Чи не той то хміль, що коло тичин в'ється?
 Гей, то той Хмельницький, що з ляхами б'ється.
 Гей, поїхав Хмельницький і к Жовтому броду:
 Гей, не один лях лежить головою в воду.
 — Не пий, Хмельницький, дуже тої жовтої води.
 Йде ляхів сорок тисяч хорошої вроди.
 — А я ляхів не боюся і гадки не маю,
 За собою потугу великую знаю.
 Іще й Орду за собою веду,
¹⁰ І все, вражі ляхи, на вашу біду! —
 Утікали ляхи, погубили шуби!
 Гей, не один лях лежить, вищеривши зуби.
 Становили ляхи дубовії хати,
 Прийдеться ляшенькам у Польщу втікати.
 Утікали ляхів деякії повки,
 Ляхів їли собаки та сірії вовки.
 Гей, там поле, поле, а по полю цвіти,
 Не по однім ляху заплакали діти.
 Гей, там річка, річка, через річку глища,
²⁰ Не по однім ляху осталась вдовиця.

2

Ой, кому ж тое, кому ж тое знати, що треба починати?
 Ой, Хмельницькому гетьману тое знати, що треба, що треба починати.
 Ой, кому ж тое, кому ж тое діяти, щоб козакам славу заручати?
 Ой, Хмельницькому гетьману тое діяти, щоб козакам славу заручати.
 Ой, у городі, то у городі Бендері вернивода, вернивода з ручі,
 Ізбиралися усі запорожці, бусурманів звучи.
 — Гею, гею! бусурманці злії! Не пригоже вам супротив козаків стояти,
 А пригоже вам, бусурманці, Польщу під себе єднати.
 Гею, гею! бусурманці злії! Не пригоже вам з ляхами заєдино бути,
¹⁰ А пригоже вам, бусурманці, свою долю спом'янути.
 Гею, гею! бусурманці злії! Не пригоже вам з волохами мириться,
 А пригоже вам, бусурманці, з козаками битися! —
 Тоді-то на чотири поля турки виходили, з самопалів, з гармат стріляли,
 Тоді-то козаки-молодці турків насмерть рубили,
 А порубавши, Бендер добували, гетьмана Хмельницького прохали:
 — Ой, гетьмане Хмельницький! Порадуй нас! — такі річі казали.
 Тоді-то понад Бендерю орли, сизі орли налітали,
 Козакам-молодцям добич казали, козакам славу казали.
 Тоді-то ляхи з Бендери втікали, турків і волохів зоставляли,
²⁰ Козакам-молодцям добич казали, козакам славу казали.
 Тоді-то козаки тую Бендер руйновали, слави набрали,
 Із гетьманом Хмельницьким додому привертали.

ДЕВУШКА-УКРАИНКА

Картина М. В. Брянского
(масло), 1850-е годы

Фототека Третьяковской галереи, Москва

Местонахождение оригинала
неизвестно

3

Ой, з города, з Немирова хмара вихожала,
А кравчина запорожська до Хотії поспішала.
А в Хотії добрі люди самі себе знали,
Та польського пана Яна до себе еднали.
То не тільки що поляків до себе еднали,
Ще й супротив Хмельницького ув одно з їми стали
Ув одно з їми стали, ув одно з їми стали,
Пана Болощина під Жванці прохали.

Ой, кого вже не прохали, ой, кого вже не прохали,

¹⁰ Як супротив Хмельницького бучно вихожали.

Ой, кого вже не молили, ой, кого вже не молили,

Як товариші-молодці ув одно їх били.

Слава ж, слава, слава, повічная слава!

Дали себе знати козаки, що бог їх застава!

Слава ж, слава, слава, на всі літа многа!

Дали себе знати козаки, що Хмельницький їм підмога!

4

Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, та нас шанувати,
Будеш землю волошську добром поминати!

Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, то тое знати,

Як землю Мулянську до себе еднати.

Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, то тое чтити,
 Як Студеньку брати, сина щитити.
 Ой, будеш, будеш, пане гетьмане, за тое молитися,
 Як під <тими> Студенцями станом становиться.
 Виходь, виходь, пане гетьмане, у Жванське поле,—
 10 Чи то наша буде Вкраїна, чи твое Подолле?
 Виходь, виходь, пане гетьмане, до Жванського гая,
 Чи то наша буде Вкраїна, чи твоя, святая?
 Виходь, виходь, пане гетьмане, до Жванського луга,
 Чи то наша буде Вкраїна, чи твоя Яруга?
 Повій, повій, пане гетьмане, як той вітер віє,
 Чи то наша буде Вкраїна, чи твоя Хотія?—
 Вийшов пан Хмельницький під Жванці з кравчиной:
 — Ой, прощайся, ляше, та із Волощиной!—
 Вийшов пан Хмельницький під Жванці і з ханом:
 20 — Ой, лядуй же, ляше, хто буде з нас паном?—
 Вийшов пан Хмельницький по Жванському полю;
 Запекли хлівоньку ляхи та тому Подоллю.
 Вийшов пан Хмельницький до Святого гаю:
 — Ой, покликни пана Яна, друже мій Нечаяю!—
 Ой, покликнув Нечай ляхів, де той вітер віє,
 Ой, спізнали тоді ляхи, де їм станом стати,
 Як гетьмана Хмельницького до себе єднати.

5

Ой, став пугач на могилі, та й крикнув він: пугу!
 Чи не дасть бог козаченькам хоть тепер потугу.
 Що день, що ніч дождемо, поживи не маєм.
 Давно була! Хмельницького уже не згадаєм,
 Ой, колись ми воювали, та більше не будем,
 Того щастя, тої долі повік не забудем.
 Та же шаблі заржавіли, мушкети без курків,
 А ще серце козацьке не боїться турків.

6

Ой, степом, степом буйний вітер віє, сонце хмара вкрила,
 Що нашому пану Хмельницькому, гетьману Богдану, лихая година
 Яка ж би то лихая година вельможному пану?
 Хай на поміч іззиває хоч усю Україну!
 Ой, Україна, Україна! Така твоя доля!
 Що ковиллю порозмітана твоя вольна воля.
 А твоя тая воля в татарського хана,
 А твоя вольна воля в ляхського пана.
 З'їзжайтеся всі козаки та раду чинить,
 Тое кламство католицьке по-лицарську відомстили.
 З'їзжалися всі козаки та раду чинили,
 Та й під тою, що під Берестечком ляхів побідили.

7

Ой, у городі, то у городі у Бендері вернивода, вернивода з кручі,
 Ізбиралися усі запорожці бусурманів звучи:
 Ой, не так-то, ой, не так-то бусурманів запорожці звали,
 Як самі ті бусурмани голосно проквіляли.

Ой, то ж воли, ой, то ж воли голосно проквіляли, біду собі нарікали,
Самі ж воли то й не знали, що то робити мали.

Що поки з найславним гетьманом Хмельницьким Богданом у дружбі
пробували,

То і з військом запорозьським у мирі пробували, богату здобич мали.

Як же того найславного гетьмана Хмельницького Богдана не стало
на сім світі ставати,

⁴⁰ Стала на їх, бусурманів, злая недоля бідой настигати.

Отак було, що не тільки військо найславного гетьмана Хмельницького
Богдана оплакало,

Але й татарське людство по йому, по найславному тропитися мало.

Отак було, що хоч найславного гетьмана Хмельницького Богдана
у могилі поховали,

Але його славу найкращу у пам'яті на вічні роки задержали!

№ 47—48

П р о Г р и ц я

1

Та встань, батьку, та встань, Грицю, кличуть тебе люди:

— Ой, як підеш на столицю, по-старому буде.

Ой, як підеш на столицю, попросиш царицю,

Чи не отда<с>ть наших земель, клейноти не верне...

— Не на тее, милі браття, Січ атаковала,

Щоб цариця наші землі, клейноти вертала.—

Тече річка невеличка, підмиває кручі,

Ой, заплакав пан кошовий, від цариці йдучи.

У суботу із вечора москаль наступає,

⁴⁰ А в неділю під обід лагер розбиває.

Ходить москаль по куреню, запас одбирає,

Брали сrebro, брали злато, воскові свічі.

— Оставайся, пан кошовий, з писарем на Січі.

— Благослови, атамане, на гаубвахті стати:

Москаль стане з шаблями, а ми з кулаками,

Нехай наша слава буде проміж козаками.

(Из малор<оссийских> песен. 1836, стр. 55—56)

2

Велик світ наша мати, що нас породила,

Славно військо запорозьке тай занастила.

Ой, став москаль куренями запас одбирати,

Московські генерали церкви грабувати.

Беруть сrebro, беруть злато, воскові свічі,

Зостається пан кошовий з писарями в Січі.

— Благослови, атамане, нам на башні стати.

Стидно ж буде білому цареві з пліч голову зняти.

— Ой, не вельо з палачами, вельо з кулаками,

⁴⁰ Нехай наша слава іде поміж козаками.

(Доставлено В. В. Пассеком)

№ 49

Пр о полубітківську
не до лю

У неділю рано-порану
По затонах козаків порубано.
Та хоч би вже усіх порубано,
А то ще й у полон побрано.
А скільки їх порубано?
Три тисячі й триста на мало.
А скільки їх у полон побрано?
Три тисячі й триста на мало.

№ 50

Виїзжали пани полонці не ввечері, вранці,
Споминайте, панове, козацькії танці!
Виїзжали пани полонці у неділю свята,
Споминайте, панове, московського свата!
Виїзжали пани полонці ранком у неділю,
Споминайте, панове, московську постілю.
Виїзжали пани полонці по Красному місту,
Споминайте, панове, московську невісту.
Виїзжали пани полонці з Полубітком паном,
Прощайтесь, панове, з своїм паном гетьманом.
А в пана гетьмана у пазусі рильце,
Покотиться до Сибіру товстеньке барильце.

* № 51

Пісн я, яку співали тії запорожці,
що відойшли до турка

Ой, прощай, прощай, світ біла Росія, тобі вольність залишаєм.
Ой, тим же тобі вольність залишаєм, що в себе батька не маєм.
Ой, розсердився наш рідний батько, не признає нас за сина,
Отепер же ми, милі браття, ходім служити до вітчима.
Ой, вітчим же наш чоловік добрий, а рідний батько нічого.
Дасть нам поміч веселишній творець, що терпіли много.
Йому будемо служити всею правдою, він буде батько рідний,
Іще творець допоможе вишній достать наш степ природний.

* № 52

Ой, боже наш, боже милостивий,
Вродились ми в світі нещасливій,
Служили ми у полі і на морі,
А тепер залишились і босі і голі.
Старались ми землю заслужити,
Щоб в вільності нам віку дожити.
Гей, дав землю од Дністра до Бога,
Границею по Бендерську дорогу

№ 53

На послідне поруйнування Січі

В одно врем'я під Єлисаветом много орлів ізліталось,
В Москві-городі в засіданні місті сенатори собирались.
Ой, собравшись вони в одно місто, стали способ собирати,
Як би з війська запорозького всі вольності одібрати.
— Ой, коли б же нам, пани сенатори, у них вольность одібрати,
То будем ми і потомки, як в отчизні поживати.
Ой, ізбрали вони собі способ добрий, запорозьцям волю дати,
Приказали вони по всій їх землі слободи заселяти.
Когда була з турком война, патретами поогиряли,
¹⁰ А запорозьці, люди добрії, їх ласкательства не знали,
Та тим сенаторам, як правдивим людям, во всім віри донимали
Ой, як дознали ті сенатори, а що запорозьці їм вірять,
Та й приказали запорозьку землю всю кругом мірять.
А розміривши запорозьку землю, й на плани знімали,
А щоб запорозьці того не дознали, казани їм в Січ прислали;
Ой, як прислали на всі курені лішні мідні казани,
А за ті казани запорозькі всі пани були з Січі позабирані.
Ой, оце ж тобі, пане кошовий, за вірні твої служби,
Ой, як підеш в город, у столицю, наберешся нужди.
²⁰ Ой, як привезли запорозьких панів в Москву-город спішно,
Ой, як посадили їх у неволю, стало сенаторам втішно.
Ой, утішались пани сенатори і меншії генерали,
Що одібрали в запорозьців землі, та й влодіють сами.

(Получено от В. В. Пассека)

ПРОВОДЫ РЕКРУТОВ

Картина И. И. Соколова (масло), 1851

Музей украинского искусства, Киев

Материалов, связанных с фольклором, среди бумаг Гоголя довольно много *. Они хранятся в разных архивах, многие из них опубликованы. Характер их, как и внешнее оформление, разные. Прежде всего следует отметить тетради, в которых записаны песни. Три из них (одна с записями русских и две — украинских песен) были обнаружены и опубликованы Г. П. Георгиевским («Песни, собранные Н. В. Гоголем». СПб., 1908, стр. 35—412) и одна М. Н. Сперанским («К истории собрания песен Гоголя». Нежин, 1912, стр. 23—44). Последняя тетрадь хранится в ЛБ, ф. 125, п. 40, лл. 401—424, среди бумаг Киреевского. Тетрадь впервые обнаружена при подготовке «Новой серии» (в. I, стр. LXIV). Публикаторы, особенно Георгиевский, считали, что в основной своей части записи Гоголя не зависят от печатных источников. Но дальнейшие исследования показали, что это не так (см. вступительную заметку к настоящей публикации и исследование С. А. Красильникова в сб. «Н. В. Гоголь», в. 2. М.—Л., 1936, стр. 377—406).

Песни, записанные Гоголем, встречаются также на отдельных листках, страницах писем и т. д. Песня «Наварды сечевицы», неоднократно упоминавшаяся Гоголем в письмах, была опубликована В. И. Шенроком (Н. В. Гоголь. Письма, т. I. СПб., 1901, стр. 269), а затем вторично по автографу М. Н. Сперанским (Указ. изд., стр. 43—44). Отрывок песни «Черна роля заорана» записан в письме к Пушкину (Гоголь, т. X, стр. 317). Перевод украинской песни и несколько отрывков помещены в статье Гоголя «О малороссийских песнях» (Гоголь, т. VIII, стр. 91—93). Две украинских песни (колыбельная и «Рассердился мой милесенький»), хранящиеся в архиве ИРЛИ, опубликованы И. Я. Айзенштоком («Звезда», 1959, № 4, стр. 218—219). Запись песни «У сосида хата била» воспроизведена в сб. «Н. В. Гоголь», в. 2. М.—Л., 1936. Песни, возможно, из материалов, присланных Гоголю из дому, а также выписанные из печатных источников, записаны им в «Книге всякой всячины»; там же — украинские пословицы, игры, загадки, предания, обычаи и обряды (Гоголь, т. IX, стр. 495—538; коммент.—стр. 653—657).

В записных книжках Гоголя вообще много фольклорно-этнографических материалов. В записной книжке 1841—1844 гг. — записи по этнографии и фольклору Симбирской губ., сделанные со слов П. М. Языкова, о том, как строится изба, как называются ее части, описание быта и труда, обычаев и обрядов крестьян, диалектные слова и специальные названия. Иногда, чтобы пояснить слово, Гоголь приводит отрывок из песни, пословицу, загадку (воспроизведение книжки по автографу — см. Гоголь, т. VII, стр. 317—358; коммент. к ней — стр. 425—427). В записной книжке 1842—1844 гг., среди других записей, встречается описание одежды, поговорки, меткие выражения (Гоголь, т. IX, стр. 537—539; коммент.—стр. 657—659). В записной книжке 1846—1851 гг. — записи о праздниках и обрядах, выписки из «Русских простонародных праздников...» И. М. Снегирева (Гоголь, т. VII, стр. 359—390; коммент.—стр. 427—428).

Выписки из книги Снегирева у Гоголя было значительно больше, чем в указанной записной книжке. Три больших конспекта опубликованы в 1936 г. Г. С. Виноградовым («Н. В. Гоголь», в. 1. М.—Л., 1936, стр. 13—21, 41—45; то же: Гоголь, т. IX, стр. 420—427, 644—646). В отдельных тетрадях имеются также выписки из книги Сахарова «Сказания русского народа» (т. II, кн. 7. СПб., 1849) и заметки, основанные на собственных наблюдениях и беседах со знакомыми (Гоголь, т. IX, стр. 415—434; коммент.—стр. 644—646). Все эти записи связаны с работой писателя над «Мертвыми душами». Сюда же относятся и выписки из статьи А. Борисова «Село Лопуховка», напечатанной в «Саратовских губернских ведомостях» (1846, № 17, 27 апреля). Выписки эти, как и некоторые названные выше материалы, впервые опубликованы Г. П. Георгиевским в сб. «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», в. III. СПб., 1909.

Выше впервые публикуется тетрадь с записью украинских исторических песен и дум. ЛБ, ф. 74, к. 3, ед. хр. 4. Тетрадь описана Л. М. Ивановой («Записки Отдела рукописей» Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в. 19. М., 1957, стр. 42—46) и П. Д. Уховым («Н. В. Гоголь — собиратель дум и украинских исторических песен». — «Известия Отделения литературы и языка», 1959, т. XVIII, в. 1, стр. 27—39). Две песни из тетради (№ 1—2 по нумерации настоящ. тома) опубликовал О. С. Романец («Народна творчість та етнографія», 1964, № 4, стор. 79—82).

Рукопись представляет собою тетрадь из 77 неспитых листов. Сплошной нумерации листов нет. Пронумерованы в верхнем углу листа чернилами те листы, на которых записаны песни (есть еще нумерация карандашом). Нумерованных листов 45. Песни переписаны несколькими почерками, в том числе Гоголем (№ 8, 16, 18, 21, 22, 28, 30, 51, 52). Песни, списанные рукой Гоголя, отмечены нами у порядкового номера звездочкой. Все заголовки также вписаны Гоголем (нами выделены разрядкой). Песни расположены в хронологическом порядке и сгруппированы вокруг главных героев или событий (подробно об этом см. в описаниях Л. М. Ивановой и П. Д. Ухова). Каждая группа песен, относящихся к одному герою, имеет заглавие и свою нумерацию.

П. Д. Ухов датирует рукопись 1836—1842 гг. (год выхода в свет сборника П. Лукашевича, — см. о нем далее, — на который в рукописи есть ссылка, и год смерти

* Преамбула к комментариям написана В. В. Митрофановой; комментарии к отдельным песням — И. Я. Айзенштоком.

В. В. Пассека, от которого получены некоторые песни). Эти даты можно было бы несколько раздвинуть, если учесть, что песни могли заноситься в рукопись не в один год, а от В. В. Пассека Гоголь мог получить песни не лично, а через кого-нибудь из общих знакомых.

Источники песен указаны Гоголем в рукописи только в пяти случаях: № 10, 48 и 53 получены от В. В. Пассека; № 39 — «из Украинских народных песен М. Максимовича. М. 1834, стр. 77»; № 47 — «из Малорос. песен 1836, стр. 55—56». Но, кроме этих песен, многие имеют соответствия с песнями, опубликованными в сборниках, известных в то время. Ниже, для удобства читателей, приведена таблица этих соответствий по сборникам: Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827 (М а к с и м о в и ч, 1827); И. С р е з н е в с к и й. Запорожская старина. Харьков, 1833—1835 (С р е з н е в с к и й); Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. М., 1834 (М а к с и м о в и ч, 1834); Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836 (Л у к а ш е в и ч). Звездочкой отмечены песни, совпадающие частично.

Гоголь	Максимо- вич, 1827	Срезневский	Максимович, 1834	Лукаше- вич
№ 1	—	—	—	—
№ 2	—	ч. I, в. 1, стр. 31	стр. 71	—
№ 3	—	—	—	стр. 11*
№ 4	—	ч. I, в. 1, стр. 36—38	стр. 85	—
№ 5	—	ч. I, в. 1, стр. 38—42	стр. 86—87	—
№ 6		ч. I, в. 1, стр. 42		
№ 7		ч. I, в. 1, стр. 49		
№ 8		ч. I, в. 1, стр. 74	стр. 95	
№ 9		ч. I, в. 1, стр. 60*	стр. 90*	
№ 10				
№ 11		ч. I, в. 1, стр. 33		
№ 12		ч. I, в. 1, стр. 34	стр. 78	
№ 13		ч. II, в. 4, стр. 20		
№ 14		ч. II, в. 4, стр. 24		
№ 15		ч. II, в. 4, стр. 26—27		
№ 16		ч. II, в. 4, стр. 32		
№ 17			стр. 101*	стр. 32*
№ 18		ч. II, в. 4, стр. 57		
№ 19		ч. II, в. 4, стр. 47		
№ 20		ч. II, в. 4, стр. 54		
№ 21		ч. II, в. 4, стр. 71	стр. 109	
№ 22	стр. 18, № 13	ч. I, в. 1, стр. 58		
№ 23		ч. II, в. 4, стр. 62		
№ 24		ч. II, в. 4, стр. 68		
№ 25		ч. II, в. 4, стр. 76		
№ 26		ч. II, в. 4, стр. 79	стр. 110	
№ 27		ч. II, в. 4, стр. 81		
№ 28				стр. 47
№ 29	стр. 26, № 18	ч. III, стр. 27*	стр. 111	
№ 30			стр. 114	
№ 31		ч. II, в. 4, стр. 14*		
№ 32		ч. II, в. 4, стр. 15*		
№ 33		ч. II, в. 4, стр. 18		
№ 34		ч. II, в. 4, стр. 58*		
№ 35		ч. II, в. 4, стр. 59		
№ 36				

Гоголь	Максимо- вич, 1827	Срезневский	Максимович, 1834	Лукаше- вич
№ 37		ч. I, в. 1, стр. 53*		
№ 38				
№ 39			стр. 77	
№ 40		ч. II, в. 4, стр. 12	стр. 96	
№ 41				
№ 42		ч. II, в. 4, стр. 35		
№ 43		ч. II, в. 4, стр. 36		
№ 44		ч. II, в. 4, стр. 46	стр. 129	
№ 45				
№ 46		ч. II, в. 4, стр. 33*		стр. 55
№ 47				
№ 48				
№ 49				
№ 50		ч. III, стр. 11		
№ 51		ч. III, стр. 12		
№ 52				
№ 53				

Как видно из этой таблицы, наибольшее количество соответствий обнаруживается с публикациями «Запорожской старины» Срезневского. Совпадения, не отмеченные звездочками, дословные. Различия заключаются в буквах, правописании, очень редко в словах. Подобная близость может быть только при списывании. От Гоголя Срезневский текстов не получал, следовательно, в тетрадь Гоголя тексты попали из «Запорожской старины», которую он высоко ценил (см. Гоголь, т. X, стр. 298, 300, 321, 368).

Некоторые песни совпадают с вариантами «Запорожской старины» и «Песен», изданных в 1834 г. Максимовичем (№ 2, 4, 5, 8, 12, 21, 26, 29, 40, 44). П. Д. Ухов (стр. 37) относительно этих песен высказал предположение, что это могут быть те варианты, которые Гоголь передал Максимовичу, а из сборника Максимовича они попали к Срезневскому. О песне № 2 О. С. Романец также говорит, что она была передана Гоголем Максимовичу. С этим мнением нельзя согласиться. Песни № 2, 4, 8 в публикации Максимовича имеют примечание, что они взяты из «Запорожской старины». Кроме того, в. 1 «Запорожской старины» вышел в 1833 г., а «Песни» Максимовича, для которых мог собирать материал Гоголь, — в 1834. Предположение П. Д. Ухова может быть отнесено только к песням № 21, 26, 40, 44, имеющим соответствия во второй части «Запорожской старины», где уже есть заимствования из «Песен» Максимовича. Слишком большая близость текстов Гоголя к изданию Срезневского, а не Максимовича ставит под сомнение гипотезу о пути песен от Гоголя — к Максимовичу — к Срезневскому.

П. Д. Ухов отмечал, что Гоголь «считал возможным из нескольких вариантов составлять один» (стр. 38). Утверждение это, в общем, очевидно, правильное, проиллюстрировано неудачным примером двух песен (№ 44—45), принятых за одну. В рукописи действительно эти песни записаны как одна, без отступа. Но переписчик, заметив ошибку, поставил между концом песни № 44 и началом песни № 45 цифру 6. Это действительно шестая песня в цикле о Хмельницком. Разночтения песни № 45 Гоголя с вариантами из сборника Максимовича, отмеченные П. Д. Уховым, устраняются сопоставлением с этой же песней из «Запорожской старины»; это еще раз свидетельствует о том, что источником для Гоголя были не издания Максимовича, а Срезневского. Но у Гоголя все же были компиляции, может быть, он дописывал по памяти, может быть, пользовался печатными источниками. Во всяком случае, в некоторых песнях (№ 3, 9, 17, 31, 32, 37, 42, 46) отмечается совпадение отдельных частей их с публикациями Срезневского, Лукашевича, Максимовича. Особенно интересны песни № 9, 32, 37, 42. В песнях 42 и 37 начало полностью совпадает с публикацией Срезневского. Но песни Гоголя значительно длиннее. Предположить самостоятельную запись при таком дословном совпадении больших кусков текста трудно, скорее это компиляция. В песнях 9, 32 при общем совпадении с вариантами Срезневского дополнительные куски включены в середину текста.

Вопрос о назначении рукописи, цели, для которой Гоголь записывал песни, может быть решен только предположительно. Одинаково правомочны два решения: собирание

для подготовки сборника исторических песен и подбор материалов для какой-то очередной работы писателя. В пользу первого решения П. Д. Ухов (стр. 35) отмечал одинаковость бумаги, на которой написаны песни, тщательность переписки, в то время как заметки, необходимые для творческих целей, Гоголь писал более небрежно и на разной бумаге. Наличие чистых листов после песен о каждом герое, по мнению П. Д. Ухова, тоже свидетельствует о подготовке к печати, здесь должен был быть выписан справочный материал. Но, во-первых, никаких заготовок для справочного материала нет, даже нет сведений об источниках. Кроме того, чистые листы могли быть оставлены для записи новых песен о тех же героях. Тщательность переписки не может служить доводом. В рукописном отделе ИРЛИ хранится тетрадь, принадлежавшая Гоголю, с выписками из творений отцов церкви. Они тоже сделаны очень тщательно, но явно не для печати. Скорее всего, песни нужны были Гоголю для работы над его художественными произведениями и прежде всего над второй редакцией «Тараса Бульбы». За это говорит и время составления сборника (1836—1842), и переписка писателя, отражающая упорный интерес к историческим песням в этот период. Связь второй редакции «Тараса Бульбы» с украинскими историческими песнями и думами неоднократно отмечалась в науке (см. Гоголь, т. II, стр. 708—724, а также: А. Карпенко, Народные истоки эпического стиля исторических повестей Н. В. Гоголя. Черновцы, 1961; там же свод библиографии по вопросу). Карпенко убедительно показал зависимость стиля исторических повестей Гоголя от песен про Саву Чалого, Перебийноса, Хмельниченко, Морозенку, Наливайко, Тетеренку, казака Жадченко, т. е. от песен про тех героев, о которых записаны песни в рукописи Гоголя, и именно в этих вариантах.

№ 1. Источник текста не установлен; отчасти текст перекликается с ЗС, в. 1, стр. 27—31; М. 1834, стр. 73. Публикацию (О. С. Романца) этой и следующей песен — см. «Народна творчість та етнографія», 1964, № 4, стор. 79—82. Там же подробно разбирается (хотя не решается) остающийся до сих пор спорный вопрос о поддельности всего цикла песен о Свирговском, либо, по крайней мере, отдельных записей, восходящих к ЗС; ср. Вл. Антонович и М. Драгоманов. Исторические песни малорусского народа, т. I. Киев, 1874, стр. 162—163.

Упоминаемый в песне Иван Свирговский в действительности звался Сверчковским; он не был казаком гетманом, а, как указывают Антонович и Драгоманов, «начальником разнокалиберной милиции, наведенной молдавским господарем Ивоню» [Иоанном Армяншином. — И. А.] на помощь против турок» (указ. соч., стр. 163). В 1574 г. войско Сверчовского одержало несколько побед над турками, но было окружено и пленено в устье Дуная. Попал в плен также Сверчовский; позднее он был выкуплен из неволи родственниками. См. о нем также ЗС, в. 2, стр. 89—98.

№ 2. ЗС, в. 1, стр. 31—33 («Вторая надгробная песнь Свирговскому»); М. 1834, стр. 71—72.

№ 3. М. 1834, стр. 106—107, с вар. — Байда — легендарный герой украинского народного эпоса (XVI в.). Максимович называет песню о нем «полубаснословной». Очень рано, с конца XVI в., образ Байды обычно отождествлялся с личностью Дмитрия Вишневецкого (ум. в 1563 г.), возглавлявшего борьбу казацких отрядов с турками и крымскими татарами. См. М. Г. Халанский. Малорусская дума про Байду. Харьков, 1905; Иван Франко. Студії над українськими народними піснями, т. I. Львів, 1913, стор. 94—95.

№ 4. ЗС, в. 1, стр. 36—38 («Сожжение Могилева»); М. 1834, стр. 85. — Северин Наливайко (ум. в 1597 г.; в народной памяти и в исторических хрониках он иногда называется Павлом) — популярный предводитель широкого казацко-крестьянского восстания против Речи Посполитой. После поражения восстания он вместе с некоторыми другими предводителями был выдан шляхетским войскам, отвезен в Варшаву и казнен. Историческое событие, упоминаемое в песне, не может быть установлено с достоверностью и неоднократно подвергалось сомнению. Об этом Срезневский упоминал в одном из следующих выпусков своего собрания. «Мне говорят, — писал он, — что сия песнь [...] сочинена гораздо позднее, может быть, в конце XVIII века, и что имя Наливайко попало в нее случайно. Очень хорошо, но где же доказательства? Пока не буду иметь об них сведений, не могу и отстать от прежнего мнения своего, которое притом утверждается хоть на небольших доказательствах» (ЗС, в. 3, стр. 81—82). Кравчина, по объяснению Максимовича, «так называло себя запорожское войско при Наливайко — не потому ли, что сей любимый их вождь сначала занимался шитьем кожухов (тулупов), был кравець (портной)? Это обращалось ему в укор и насмешку от противников, что и могло заставить запорожцев гордиться этим и нарочно принять себе это имя» (М. 1834, стр. 66). С этим объяснением согласился и Срезневский (ЗС, в. 3, стр. 83—86), первоначально выдвигавший иное объяснение слова.

№ 5. ЗС, в. 1, стр. 38—42 («Убиение Наливайка»); М. 1834, стр. 86—87. Комментируя эту песню, Срезневский ссылался на свидетельства украинских и польских историков-летописцев (ЗС, в. 3, стр. 84—91). Советская филологическая наука склонна считать обе песни про Наливайко фальсификациями Срезневского, источником которых оказались соответствующие эпизоды «Истории Руссов» (А. Шамрай. Харківські поети 30—40 років XIX століття. Харківська школа романтиків. Харків, 1930, стор. 38—39).

№ 6. ЗС, в. 1, стр. 42—48 («Отступник Тетеренко»). Об исторической основе этой и следующей песен Срезневский писал так: «Федор Тетеренко был есаул Каневского куреня и защищал Каневские казацкие поселения. <...> В сем деле помогал ему, вероятно, отец его, Тетеря, кошевой атаман. <...> Отец с сыном, как говорит песнь <...>, взяты в плен, отвезены в Варшаву и посажены в тюрьму, однако имели случай уйти и разбить поляков у города Бендер и татар у Аккермана. Известно, какой случай заставил Тетеренко перейти на сторону поляков, принять унию, сделаться отступником от веры предков. Может быть, он был одним из первых отступников между казаками» (ЗС, в. 3, стр. 95—96). Н. И. Костомаров среди фольклорных фальсификаций Срезневского назвал также две песни о Тетеренко, заметив, впрочем, что они «представляют менее явных черт, обличающих ненародное происхождение» (Н. Костомаров. Историческая поэзия и новые ее материалы. — «Вестник Европы», 1874, № 12; «Этнографічні писання Костомарова». ДВУ, 1930, стор. 331).

№ 7. ЗС, в. 1, стр. 49—53 («Убиение Тетеренка»).

№ 8. ЗС, в. 1, стр. 74—76 («Надгробная песнь Чурая»); М. 1834, стр. 95. В комментарии Максимович сообщал, что «храбрый Чурай, полковой асаул, захваченный в битве близ Старицы, замучен в Варшаве в 1638 г., вместе с гетьманом Степаном Острияцею и другими». Срезневский, комментируя песню, сослался на «Историю Руссов» (ЗС, в. 3, стр. 145—146), а Костомаров подчеркнул, что весь эпизод с мучительной казнью Острияницы и его сподвижников «есть чистый вымысел, и самое имя Чурая, как и прочие имена <...> сотоварищей Острияницы, очевидно, вымышлены» («Этнографічні писання Костомарова», стор. 331).

№ 9. ЗС, в. 1, стр. 60—73 («Подвиги Савы Чалого»); М. 1834, стр. 90—94. По замечанию Срезневского, «Сава Чалый — один из любимцев памяти народной: бандуристы поют о нем много песен — очень любопытных; в них описана вся жизнь его довольно подробно» (ЗС, в. 3, стр. 122). Максимович также называет песню «весьма любимой в народе» и отмечает, что данный ее текст «составлен г. Срезневским из многих», а также что «последние четыре куплета принадлежат к песне о Нечае».

№ 10. Текст этой песни, как равно песен № 48, 53, «доставлен от В. В. Пассека», т. е. Вадима Васильевича Пассека (1808—1842), статистика, этнографа, фольклориста. На упоминания Гоголя о Пассеке обратил внимание П. Д. Ухов, отметив их «загадочность», поскольку нигде в известных материалах имени Гоголя и Пассека не объединяются в какой бы то ни было связи («Как и когда он <Пассек> свои записки передал Н. В. Гоголю — неизвестно». — «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1959, т. XVIII, в. 1, стр. 36). Думается, личное знакомство Гоголя с Пассеком можно предположительно, но с большой долей вероятности, датировать октябрём 1839 г. 26 сентября с. с. 1839 г. Гоголь приехал из-за границы в Москву и поселился у М. П. Погодина. 1 октября того же года в Москву приехал Срезневский, направлявшийся в длительную поездку по славянским землям. Здесь при содействии Погодина состоялось личное его знакомство с Гоголем (заочно они познакомились и вступили в переписку за несколько лет перед тем); о впечатлении этого знакомства Срезневский подробно рассказал в письмах к матери («Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839—1842». СПб., 1895, стр. 15, 16, 20). Тогда же в Москву приехал В. В. Пассек; с ним Срезневский виделся еще по пути в Москву, в Туле, затем встретил его в Москве 9 октября и до своего отъезда в Петербург 17 октября встречался почти ежедневно (там же, стр. 5, 9, 17, 20, 22). Через Срезневского Пассек мог передать несколько своих песенных записей Гоголю, — на это как будто намекает формула «доставлено от В. В. Пассека». Впрочем, отнюдь не исключено и личное их знакомство.

№ 11. ЗС, в. 1, стр. 33—34 («Убиение Серпяги»). Максимович, со ссылкой на Срезневского, отметил, что «Иван Серпяга <...> есть народное имя гетьмана, столь известного в истории под именем Гана Подковы. <...> Серпяга был приглашен на Молдавское господарство, но изменнически убит во Львове в 1578 г. и похоронен в Каневе товарищем и другом своим гетьманом Шахом или Жахом» (см. песню № 12; М. 1834, стр. 78). Антонович и Драгоманов (т. I, стр. XXII—XXIII) отнесли к «категории поддельных» песен весь цикл (одна дума и четыре песни) о Серпяге, допустив, однако, исключение для настоящей песни: «Может быть, безымянная казацкая песня, подправленная». Дополнительную аргументацию изложил Костомаров («Этнографічні писання Костомарова», стор. 323—324; ср. Катерина Грушевська. Українські народні думи, т. I. ДВУ, 1927, стор. XXXVII—XXXVIII).

№ 12. ЗС, в. 1, стр. 34—36 («Надгробная песнь Серпяге»); М. 1834, стр. 78—79.

№ 13. ЗС, в. 4, стр. 20—24 («Поход под Пиляву»). — *Пилява* — местечко на Подолии. Здесь 6 августа 1648 г. казацкие отряды под общим командованием Богдана Хмельницкого наголову разбили и обратили в бегство польские войска, захватив богатую военную добычу (см. ЗС, в. 5, стр. 26—31). О мифическом «гетмане Богданке» упоминается в «Истории Руссов»; сводку сведений о нем дает Срезневский (ЗС, в. 2, стр. 98—104; ср. также стр. 135—136, где он именуется «гетманом запорожским Богданком Ружным»).

№ 14. ЗС, в. 4, стр. 24—25 («Поход под Пиляву»). — *По сім боці Случи*. — Река Случь по Зборовскому трактату была объявлена государственной границей между Польшей и Украиной.

№ 15. 3С, в. 4, стр. 26—27 («Битва Слуцкая»).

№ 16. 3С, в. 4, стр. 32 («Яссы»). Первые два ст. повторяются (в двух вар.) в опубликованной Срезневским думе «Поход в Молдавию», на основе которой он реконструировал исторические события, отрицаемые хронистами, т. е. участие Богдана Хмельницкого в молдавском походе (3С, в. 4, стр. 28—32; ср. также в. 5, стр. 167—173). Комментируя последний ст. песни, — о том, что «волохи» убежали из Сочавы «на четыре года», — Срезневский пояснил: «На четыре года, т. е. до того времени, как, по смерти Тимофея Хмельницкого, этот город вновь достался молдавам» (стр. 171).

№ 17. Текст является контаминацией отрывка: М. 1834, стр. 101, и Л у к а ш е в и ч, стр. 32—33. Оба автора указывают, что Перебийнос песни есть «храбрый Максим Кривonos», «один из первых сподвижников Хмельницкого в начале восстания южной России против Польши». Лукашевич, кроме того, сообщает, что Перебийнос-Кривonos «прославился взятием Полонного и Бары, но, будучи разбитый под Пилявою, был взят в плен и казнен» (1648). См. также Антонович и Драгоманов, т. II, стр. 46—48.

№ 18. 3С, в. 4, стр. 57—58 («Юрий Хмельниченко»). — Юрий Хмельниченко (1641—1685) — младший сын Богдана Хмельницкого. В 1657 г., после смерти отца, был избран гетманом (первое время номинально; фактическим гетманом был Выговский), пытался вести «антимосковскую» политику, служа попеременно то польскому королю, то татарскому хану и турецкому султану. Несколько раз он отрешался от гетманства, был даже пострижен в монахи и заточен в монастырь. В конце концов, за измену, жестокость и жестокость был осужден и задушен. В другом месте Срезневский дал этой песне название «Песня на пострижение Юрия в монахи». Название это он объяснял следующим образом: «Может быть, и слишком смело я дал такое название песне <...>; но думаю, что она должна относиться именно к 1662 году, когда Юрий Хмельницкий, пытаемый неудачами, решился проститься с миром и под клобуком монашеским искать утешения в горе». Приведя затем русский перевод песни, Срезневский снова настаивал на предложенном им заглавии: «Тут только слова „монах“ не случилось, а понять нетрудно, что дело идет о перемене казачьего жупана и сабли на рясу и клобук» (3С, в. 6, стр. 126—127). Рассказу о судьбе Юрия Хмельницкого, «осрамившего память своего отца, столько же разорившего Украину, сколько отец ее любил, столько же презренного памятью народной, сколько отец для нас драгоценен», Срезневский посвятил статью «Юрий Хмельницкий. 1658—1680» (3С, в. 6, стр. 25—51).

№ 19. 3С, в. 4, стр. 47—53 («Пушкарь и Выговский»). — После смерти Богдана Хмельницкого генеральным войсковой писарь Иван Выговский (ум. в 1664 г.), воспользовавшись крайней молодостью Юрия Хмельницкого, добился его устранения и, при поддержке Речи Посполитой, был провозглашен гетманом (1657—1659). Его политика, направленная на отрыв Украины от Московского государства, на ее подчинение Речи Посполитой, на фактическое закрепощение казачества, вызвала широкое недовольство народных масс; во главе недовольных стал полтавский полковник Мартын Пушкарь (ум. в 1659 г.). См. статью И. Срезневского «Выговский и Пушкарь. 1657—1658» (3С, в. 6, стр. 1—24). Упоминаемые в песне имена Стефана Омельченко и Трофима Сороки, о которых «летописи молчат», Срезневский предположительно объяснил следующим образом: «Был один только Стефан из всех лиц, действовавших во время Выговского, Стефан Сулима <...> Он мог прозываться и Омельченко, как Адамович назывался Волочаем, Джеджелей, Чичаеи и т. п. <...> Об этом Стефане Сулиме читаем у Рогелевского, что он был прежде на стороне Пушкаря, но потом отстал от него. В песне говорится напротив; но почему не мог он перейти на сторону Выговского опять, после события, упоминаемого в песне? Полагаю, что Стефан Омельченко есть не кто другой, как Сулима Стефан» (там же, стр. 115). Относительно Трофима Сороки Срезневский указывает на следующее: «Три Трофима принимали участие в борьбе Выговского с Пушкарем: один Трофим Жученко <...>, другой — Небаба, сотник Кальницкий, третий Гуляницкий, брат Григория, полковника Нежинского, судья того же полка и потом, если не в то же время, атаман некоторой части низовых казаков. Жученки были всегда на стороне Пушкаря; Небаба был не более как сотник, а следовательно, Трофимом Сорокою мог быть один Гуляницкий» (стр. 115—116). Исходя из этих соображений, Срезневский высказывает ряд догадок о «битве голтыанской» (стр. 117—118).

№ 20. 3С, в. 4, стр. 54—55 («Пушкарь и Выговский»).

№ 21. 3С, в. 4, стр. 71—72 («Гордиенко»); М. 1834, стр. 109—110 («Песня о Гордиенко»). — Константин Гордиенко (ум. в 1733 г.) — кошевой атаман Запорожской Сечи, сперва тайный, потом явный сторонник Мазепы. В марте 1709 г. открыто перешел на сторону Карла XII, получив от него щедрые денежные податки. Измена Гордиенко вызвала на Сечи восстание, во главе которого оказались тайные агенты Мазепы; они пытались придать восстанию антирусский характер. Это вызвало ответные меры русского командования: 14 марта 1709 г. русские войска заняли Сечь, почти покинутую к этому времени запорожцами. Упоминание в песне имени Голицына — анахронизм: Василий Васильевич Голицын (1643—1714) в 1680-х годах содействовал окончательному освобождению Киева и Украины от польских притязаний. В 1687 г. украинские

казацкие полки приняли участие в возглавлявшемся Голицыным неудачном походе в Крым. Позднее Голицын был сослан на Север и умер в ссылке.

№ 22. *ЗС*, в. 1, стр. 58—60 («Поход Сагайдачного»), с ссылкой (стр. 119) на *М.* 1827, стр. 18—19. Это — одна из популярнейших украинских народных песен: ранние ее записи относятся к первой половине XVIII в. (В. Н. Перетц. Заметки и материалы для истории песни в России. I—VIII. СПб., 1901, стр. 31). По традиции считается, что в песне идет речь о каком-то походе казаков (м. б., походе 1621 г. против турок?), возглавлявшемся гетманом украинских реестровых казаков в 1625—1628 гг. Михайлом *Дорошенко* и гетманом малороссийским Петром *Конашевичем-Сагайдачным* (ум. в 1622 г.). Противоречит такому предположению то, что политическая карьера *Дорошенко* утвердилась уже после смерти Сагайдачного. Поэтому, например, Максимович считал, что «под именем Сагайдачного должно разуместь какого-нибудь из числа чиновников куреня, а не того славного, неустрашимого гетьмана Конашевича-Сагайдачного, который был и действовал лет за 60 до предприимчивого *Дорошенко*» (*М.* 1827, стр. 214; ср. «Телескоп», 1834, № 6, стр. 92). Возражая Максимовичу, Срезневский писал: «Может быть, и правда, но доказательства? И почему же о спутнике *Дорошенко* народ, сколько мне известно, не знает ничего, как между тем гетман Сагайдачный упоминается и в сказках, хотя жил и прежде *Дорошенко*? Помня *Дорошенко*, народ, конечно, помнил бы и его спутника, если сложили о нем песню» (*ЗС*, в. 3, стр. 108). Чтобы еще подкрепить свои возражения Максимовичу, Срезневский высказывал следующее предположение: «В то время, к которому относится песня, он (<*Дорошенко*>) был, вероятно, еще бунчужным, который, по обычаю казацкому, с бунчуком гетьманским всегда шел перед войском, сопровождаемый славной дружиной казаков реестровых» (там же, стр. 107—108).

№ 23. *ЗС*, в. 4, стр. 62—68 («Палий в темнице»). — Семен *Палий* (ум. в 1710 г.) — казацкий полковник, один из руководителей освободительной борьбы украинских крестьян и казаков с польской шляхтой на Левобережной Украине (конец XVII и начало XVIII вв.), убежденный сторонник «московской» (русской) ориентации и потому столь же убежденный противник гетмана Ивана Мазепы. В 1704 г. по ложному доносу Мазепы был сослан Петром I в Сибирь; в 1708 г. освобожден. По словам Срезневского, «Палий — один из немногих лиц старины, заслуживших особенную любовь памяти народной. Несмотря на то что в Украине все более и более забывают дела давно минувших дней, — Палий еще памятен, и мне случалось иногда слушать о нем народные рассказы, особенно от бандуристов. В этих рассказах много нелепостей, нет никакого историзма, никаких намеков на события, но они заслуживают внимания тем, что выражают собою понятия народные о лице замечательном и по делам, и по любви к нему народа» (*ЗС*, в. 6, стр. 162—163; ср. также стр. 86—109, 141—148, 164). Иван (а не Максим, как он назван в песне) *Искра*, полтавский полковник; вместе с другом своим Василием Кочубеем, одним из высших чинов в украинской администрации (генеральный писарь, генеральный судья), пытался раскрыть Петру I изменнические планы Мазепы, но был выдан последнему и казнен (1708).

№ 24. *ЗС*, в. 4, стр. 68—70 («Палий в Сибири»).

№ 25. *ЗС*, в. 4, стр. 76—78 («Палий под Полтавой»).

№ 26. *ЗС*, в. 4, стр. 79—80 («Мазепа»), с ссылкой (стр. 84) на *М.* 1834, стр. 110—111. Как отмечает Максимович, «песня сия [...] сложена около 1710 года, вскоре после того, как окончились вероломные замыслы Мазепы и признана невинность погибших от него Кочубея и Искры». Срезневский высказал предположение, что «под „миргородским паном“ в песне, вероятно, разумеется полковник миргородский Данила Апостол, 1654—1734, сначала бывший на стороне Мазепы, но потом отставший и, наконец, удостоенный звания гетмана 1727—1734» (*ЗС*, в. 6, стр. 161).

№ 27. *ЗС*, в. 4, стр. 81—82 («Смерть Мазепы»). — Иван *Мазепа* (1644—1709) после поражения шведских войск под Полтавой бежал вместе с Карлом XII в Турцию и там вскоре умер. Комментируя эту песню, Срезневский заметил о Мазепе: «Проклятие, наложенное на его имя, слишком сильно впечатлелось в умах украинцев, — и до сих пор это проклятие преследует имя Мазепы, которое сделалось самым поносным ругательным именем» (*ЗС*, в. 6, стр. 158).

№ 28. *Л у к а ш е в и ч*, стр. 47—48. Публикацию песни Лукашевич сопроводил коротким замечанием: «... о „рыцаре“ этой думы [...] мы ничего не знаем». Возможно, оговорка была продиктована цензурными соображениями: казак Микита *Швачка* был одним из местных руководителей крестьянского восстания на Украине 1768—1769 гг., получившего название гайдаматчины, или коливищины. Отряды Швачки действовали в районах Белой Церкви, Василькова, Фастова. В июле 1768 г. повстанцы Швачки были разгромлены, а сам он схвачен и сослан в Сибирь; однако и позже многие повстанцы в разных местах Украины принимали имя Швачки. Это отчасти объясняет колоссальную значительность и вместе с тем большую пестроту посвященного Швачке народно-песенного цикла.

№ 29. *М.* 1834, стр. 111—112 («Песня о выходе на Линию»); *ЗС*, в. 7, стр. 27—28 («Поход на Линию»), без заключительных 13 ст., которые, по мнению Срезневского, «принадлежат к другой песне» (стр. 34); *М.* 1827, стр. 26—28. Комментируя песню,

Максимович приурочил ее к 1716 г. (у него напечатано 1761, но это очевидная опечатка), когда «20 000 казаков и 10 000 малороссийских крестьян были посланы для делания пограничной укрепленной линии между Днепром и Донцом». Строительство «линии», производившееся по указу Петра I, вызывалось необходимостью укрепить южные границы государства от вооруженного нападения врагов (турок, крымских татар). Упоминаемый в песне «гетьман» — Иван Скоропадский (1708—1722). В Глухове при Скоропадском была гетманская резиденция.

№ 30. М. 1834, стр. 114 («Песня о Степане Жадченке»). По предположению Максимовича, «может быть, относится к 1736 г.»; основание такой датировки неизвестно.

№ 31. Текст представляет собою контаминацию первой песни «Морозенко» в ЗС, в. 4, стр. 14—15 (ст. 1—6) с песней, источник которой не установлен. С именем «казака Морозенко» связано значительное число народных песен, нерегистрально охватывавших события нескольких десятилетий: борьбу украинского народа второй половины XVII в. — с татарами, турками, поляками. Срезневский попробовал дать обобщенную, основанную почти исключительно на пересказе песенного материала, характеристику Морозенко, — храброго сердцем и чистого душою казацкого «рыцаря», любимца и вождя казацкой массы; эта суммарная характеристика сопоставляется с характеристикой «случайного счастливица», пронырливого, умевшего всегда устраивать собственные делишки, гетмана Брюховецкого («Бруховецкий и Морозенко. 1668» — ЗС, в. 6, стр. 52—63). В другом месте Срезневский был вынужден, однако, признать, что «до сих пор трудно сказать что-нибудь положительное о характере действий этого героя (Морозенко), любимца народной памяти», так как «разбросанные упоминания летописцев ни к чему не ведут, а народная память сохранила немногие события» (там же, стр. 128).

№ 32. ЗС, в. 4, стр. 15—18 («Морозенко»); в текст песни вкраплены два отрывка (ст. 7—14, ЗС—34) из неустановленного источника.

№ 33. ЗС, в. 4, стр. 18—20 («Морозенко»). Упоминание о том, что поляки Морозенко «ще й по Жванцю знают», намекает на участие героя в Жванецкой битве (1653), в которой казацкими отрядами Богдана Хмельницкого и войском крымского хана Ислам-Гирея был осажден главный польский военный лагерь. Полякам удалось склонить на свою сторону Ислам-Гирея и таким образом, хотя и с большими потерями, уйти от сдачи на милость победителей.

№ 34. Источник текста не установлен; лишь ст. 1—4 соответствуют начальным двум куплетам первой песни «Смерть Морозенка» в ЗС, в. 4, стр. 58—59.

№ 35. ЗС, в. 4, стр. 59—62 («Смерть Морозенка»).

№ 36. Источник текста не установлен.

№ 37. ЗС, в. 1, стр. 53—58 («Подвиги Лободы»); М. 1834, стр. 88—90 («Песня о Лободе»). Гоголевский текст содержит ряд вар.; наиболее значительные — в ст. 33—34, 41—52. И Срезневский и Максимович в комментариях характеризуют полковника Ивана Лободу главным образом по «Истории Руссов». Так, Максимович сообщает, что Лобода «еще при Косинском ходил под Белград (1593), сжег Цецору и разграбил Яссы (1594); потом он был другом и главнейшим сподвижником Наливайка, с коим вместе и погиб в Варшаве». Замечания Срезневского, основанные на тех же фактических данных, без малейших попыток их проверки, характеризуются вместе с тем откровенной полемичностью в отношении «летописцев», незаслуженно позавидевших «первого героя запорожского, осмелившегося противостать полякам». «Невольнo подосадуешь на невежество летописцев наших, — пишет он, — в памяти народной все касательно сего далекого времени покрыто непропицаемым туманом, а на письме одни намеки... Может быть, Лобода был человек великий, человек, которому Украина обязана первою мыслию об отторжении от власти польской. Может быть, он в истории Украины был то же в отношении к Хмельницкому, что Иоанн III в отношении к Петру» (ЗС, в. 3, стр. 94—95).

Костомарову принадлежит указание на ненародность происхождения песни о Лободе. Эта песня, — пишет он, — «скомпонована под влиянием псевдоистории Конисского <„История Руссов“>: слагатель ее был уверен в справедливости сказания, найденного им в этом сочинении, будто бы Лобода вместе с Наливайко был взят поляками и казнен сожжением в медном воле. Из достоверных источников, напротив, оказывается, что Лобода был не друг, а соперник Наливайка и был умерщвлен не поляками, а своими же казаками. Если нам возражат, что народные песни и сказки, подчиняясь вымыслу, часто не сходятся с исторической правдою, то мы, признавая справедливость такого возражения в его принципе, скажем, что народные песни и предания, однако, не слагаются по позднейшим историческим фальсификациям, которых народ не знает» («Етнографічні писання Костомарова», стор. 330). Обращает также Костомаров внимание на то, «как в этой песни, так и в других, относимых по своему содержанию к эпохе Наливайка, казаки называются „гайдамаками“, между тем как прозвище это связывается с более поздним периодом» (стор. 330—331).

Об упоминаемом в песне кошевом атамане Сулиме Срезневский и Максимович утверждают, что он возглавлял поход на поляков в 1633 г. Максимович называет его в числе казацких атаманов, четвертованных в Варшаве (1635), между тем как Срезневский утверждает, что «Павлюк и Сулима производили свои нападения и опустошения, удаляясь от больших сражений до 1636 г.» (ЗС, в. 3, стр. 59; ср. стр. 58—59).

№ 38. Источник песни не установлен. О «гетмане Богданке» — см. выше, прим. к № 13. — Упоминаемый в песне «Стецько» — очевидно, Стефан Баторий (1533—1586) — воевода семиградский, в 1576—1586 гг. — король польский.

№ 39. М. 1834, стр. 77 («Песня о Богданке»). Комментируя песню, Максимович писал: «Можно думать, что сия песня (из собр[ания] Ходаков[овского]) относится ко времени похода в Крым (1575) Богданка Ружного, столь прославившегося своими подвигами, прошедшего с войском своим Малую Азию, грабившего Царьград и проч.».

№ 40. ЗС, в. 4, стр. 12—14 («Битва на Желтых водах»); М. 1834, стр. 96, с пояснением, что «здесь воспета первая Богданова победа (1648 г., 5 апреля) над ляхами при помощи крымцев, при Желтых водах (в Екатеринославской губернии)». Срезневский добавляет: «Едва ли эта песня современна событию» (ЗС, в. 5, стр. 151).

№ 41. ЗС, в. 4, стр. 33—35 («Взятие Бендер»), с добавлением ст. 1—4 из неустановленного источника. В историческом комментарии к песне Срезневский подчеркивал: «1, что бендерские турки и татары <...> были защитниками Василия Лупулы (точнее, Василия Лупу, молдавского князя, 1634—1654. — И. А.); 2, что казаки ограбили Бендеры в отмщение за это; 3, что Хмельницкий был и при взятии Бендер; 4, что Хмельницкий не всегда позволял казакам грабить города, иначе бы и в этом случае казаки не просили его порадовать их». «Обо всем этом, — добавляет Срезневский, — летописи молчат» (ЗС, в. 5, стр. 173).

№ 42. ЗС, в. 4, стр. 35—36 («Битва Жванецкая»), с добавлением ст. 9—16 из неустановленного источника. О Жванецкой битве — см. прим. к № 33. Срезневский, публикуя в отрывках две песни об этом событии, счел нужным оговорить, что «отрывки эти довольно непонятны. Они ведут ко многим заключениям, но едва ли всегда справедливым» (ЗС, в. 5, стр. 176). Ср. в этой связи объяснения Антоновича и Драгоманова (т. II, стр. 51—52) о Веремие Волошине и о том, что «в то время <...> у поляков служило много волохов».

№ 43. ЗС, в. 4, стр. 36—40 («Битва Жванецкая»). Комментируя песню, Срезневский отметил следующее: «С королем польским под Жванцем были молдавы. Их-то бандурист заставляет говорить Хмельницкому рацею угроз. Из нее узнаем, 1) что Хмельницкий имел намерение завоевать Молдавию <...>, отпущая за смерть сына Тимофея; 2) что до сражения Жванецкого занял Подолье, Студеницу, Сороку (святую, как называли запорожцы), Яругу и намерен был от Жванца идти к Хотину, брать его. <...> Хмельницкий разбил ляхов, и молдаване бежали в Хотин: вот, вероятно, к чему относится выражение песни, что за Днестром, за горою блещит Хотин. Сравни статью проф. Шармуа в „Журнале Министерства народного просвещения“, 1834, IV, 1—23» (ЗС, в. 5, стр. 177).

№ 44. ЗС, в. 4, стр. 46—47 («Пугач»); М. 1834, стр. 129 («Пугач»). Срезневский замечает, что этой песней «народ поминает славу Хмельницкого» (ЗС, в. 5, стр. 184).

№ 45. Источник текста не установлен. В песне упоминается битва под Берестечком 18—20 июня 1651 г. между войском Богдана Хмельницкого и войсками Речи Посполитой во главе с польским королем Яном Казимиром. Вслед за наметившимся в первые дни битвы успехом казаков последовала измена союзника Хмельницкого, крымского хана Ислам-Гирея III. Измена эта позволила польской армии окружить казачий лагерь. Ценою потери обоза и части артиллерии казакам удалось выйти из окружения и отступить к Киеву, где уже формировались новые отряды.

№ 46. Источник текста не установлен; отдельные ст. напоминают публикацию Срезневского: ЗС, в. 4, стр. 33—35 («Взятие Бендер»). См. выше, прим. к песне № 41.

№ 47. Л у к а ш е в и ч, стр. 55—56. — Песня связана с событиями 5 июня 1775 г., когда генерал Петр Абрамович Текелли (или Текелий, 1720—1793), возвращавшийся в Россию после русско-турецкой войны, по приказу Екатерины II занял Запорожскую Сечь; два месяца спустя был опубликован манифест Екатерины об уничтожении Сечи и запорожского войска. Возможно, что Гривць, к которому обращается песня, это — Г. А. Потемкин: о нем ходили предания, будто он благоволил к запорожцам и является противником их расформирования. В действительности ликвидация Сечи была связана с осуществлением желаний Потемкина. Кошевой — Петро Калнышевский (1705—1803), после ликвидации Сечи был отправлен в Петербург, а затем «определен» на «вечное заточение» в Соловецкий монастырь.

№ 48. *Московский генерал* — П. А. Текелли; см. о нем прим. к песне № 47.

№ 49. ЗС, в. 7, стр. 11—12 («Пленение казаков»). — Песня имеет в виду события 1722—1723 гг., когда Павел Леонтьевич Полуботок (1660—1724), черниговский полковник, а с 1722 г. наказной гетман (т. е. назначенный царским указом, а не избранный на эту должность казацкою «радою»), неоднократно приносивший Петру I жалобы на попытки царских генералов и военачальников (бригадира Вельяминова и др.) ограничить его и генеральной старшины власть, был вызван в Петербург. Здесь он выступил с рядом претензий якобы от всей массы казачества, а на самом деле отражавших интересы казацкой старшины, недовольной отменой ее «исконных прав». В процессе начавшегося следствия Полуботок был заключен в Петропавловскую крепость, где вскоре и умер. Настойчивыми усилиями казацкой старшины и таких казацко-автономистских памятников, как «История Руссов», вокруг личности Полуботка был создан ореол «народного гетмана», защитника прав и чаяний народных.

№ 50. ЗС, в. 7, стр. 12—13 («Пленение казаков»).

№ 51. Источник текста не установлен. После ликвидации Запорожской Сечи войсками генерала Текелли (см. прим. к № 47) часть запорожцев, недовольная переводом их на положение крестьян, выселилась из России и в турецких владениях, на Дунае, образовала так называемую Задунайскую Сечь. Песня выражает настроения этой части казачества, мечтавшей о возвращении в родные земли.

№ 52. Источник текста не установлен. По содержанию своему песня близка к предыдущей и, по-видимому, также связана с переселением части запорожских казаков на Дунай, в турецкие владения.

№ 53. Исторический комментарий к песне — см. прим. к № 47.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Нотные издания XVIII—первой половины XIX в., включающие записи украинского музыкального фольклора, не содержат песен с исторической тематикой, за исключением «Чайки», напечатанной в сборнике Алябьева — Максимовича («Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем. Аранжировка Александра Алябьева». М., 1834). Таким образом непосредственным источником, по которому можно судить о характере напевов исторических песен, звучавших при жизни Гоголя, является сборник, изданный Г. П. Галаганом в 1857 г. («Южнорусские песни, изданные Г. П. Галаганом», т. I, Киев). Этот сборник был составлен по записям Николая Андреевича Маркевича — поэта, этнографа и историка, современника Гоголя (1804—1860). Материалы Маркевича интересны не только наличием трех исторических песен с параллельными гоголевской коллекции текстами, но также и тем, что среди них находится семь песен, певшихся, по свидетельству Н. И. Иваницкого, Гоголем. Вероятно, в семье Маркевича сохранились сведения о том, что именно интересовало Гоголя из песен украинского фольклора, так как записи, сделанные сыном Маркевича — Андреем (изданные также в 1857 г.), тоже содержат песни из гоголевского репертуара («Малороссийские песни, положенные на ноты для пения и фортепиано А. Н. Маркевичем. Тетрадь первая». — В кн.: «Записки о Южной Руси». Издал П. Кулиш, т. 2. СПб., 1857).

В настоящем томе приводятся напевы трех песен из сборника Маркевича — Галагана: про Саву Чалого — текст которой во многих местах дословно совпадает с № 9 и 10 коллекции Гоголя; про Сагайдачного — дословно повторяющую № 22 (даются оба вар. Маркевича) и Морозенка — совпадающую в отдельных стихах с записью № 32. Напевы к другим песням с параллельными текстами более поздних записей — см. в изд.: «Історичні пісні». Київ, 1961.

Andante $\text{♩} = 72$ Варіант

Ой на го-рі та жен-ці жнуть, а по під го-ро-ю
 1. 2.
 до-лом до-ли-но-ю ка-за-ки йдуть.// ка-за-ки йдуть.

Andante

Ой Мо-ро-зе, Мо-ро-зен-ку! Та пре-славний ти ко-за-че!
 Шо по-то-бі, Моро-зо-ли-ку, у-ся У-кра-ї-на пла-че!